

Макс Гаврилов

ОТСРОЧЕННЫЙ ПЛАТЕЖ

Хочешь рассмешить Бога,
расскажи ему о своих планах...

18+

Макс Гаврилов

Отсроченный платёж

«Автор»

2024

Гаврилов М.

Отсроченный платёж / М. Гаврилов — «Автор», 2024

Подходит к концу длительная работа над проектом по застройке жилого микрорайона в центре Рима. Российские бизнесмены и старые друзья Марк Шатов и Стас Знаменский подписывают долгожданный контракт, но неожиданно сталкиваются с обстоятельствами, которые изменят их жизнь навсегда. Эта захватывающая и живописная история погружает читателя в мир интриг и загадок, где никто не является тем, за кого себя выдает. События заставляют задуматься о том, насколько тонка грань между дружбой и предательством, между надеждой и разочарованием. О том, что нет ничего более хрупкого, чем обманчивая иллюзия успеха и доверия.

© Гаврилов М., 2024

© Автор, 2024

Макс Гаврилов

Отсроченный платёж

ГЛАВА 1

Чайник нетерпеливо свистел уже полминуты. Чертыхаясь, Марк выбежал из ванной, повернул конфорку, и звук потихоньку утих. Было раннее утро, и весь дом ещё спал, только кошка лениво потягивалась, вытянув передние лапы и впившись когтями в белоснежный ламинат. Марк вдруг подумал, что совсем не хочет чаю и полез за старой медной туркой в глубину посудного шкафа. Насыпав в неё своего любимого турецкого кофе, он долил воды и вновь зажёг плиту.

За окном быстро светало, и рассвет проявлял чёрные, облетевшие стволы ноябрьских деревьев, на соседском участке желтели кучи пожухлой травы, а по старой, растрескавшейся перголе вились стебли клематиса, ещё пару месяцев назад удивлявшие Марка своими крупными цветами. Повсюду вокруг уже чернела посыпанная жухлым дубовым листом земля, и кусты малины, сбросив листья, казались отчего-то грустно-стыдливymi. Марк смотрел в окно и вспоминал покупку этого дома. Десять лет назад они с женой задумались о летней даче неподалеку от города, потому как летнюю жару стало совершенно невозможно переносить в городе, в его асфальтово-бетонном плену, к тому же населённом миллионом таких же страдалцев. Поиск дома надолго не затянулся, и Марк с Викторией переехали сюда на лето, заполучив в собственность небольшой летний досчаник и десять соток заросшей борщевиком и орешником земли. Для Марка, к тому времени занимающегося строительным бизнесом, не составило большого труда снести к чёртовой матери старый дом, построенный по словам его прораба «из дерьма и веток», и построить новый, кирпичный, с отоплением и кондиционированием, водоснабжением и канализацией, интернетом и спутниковым телевидением. Хотя дом вышел и небольшим по меркам десятилетней давности, Марк его полюбил. Он и до сих пор считал, что сто пятьдесят квадратов – это самый идеальный вариант для семьи из четырёх человек. Хорошая половина его друзей, построившихся примерно в то же время и размахнувшихся сдуру на три этажа, бассейны и мраморные холлы, теперь признавали, что эти царские усадьбы излишне дорого обходятся для их кошельков.

Марк улыбался, вспоминая, как через год после покупки дома Вика сказала ему, что он будет отцом. Они сидели на открытой веранде, был конец июня. Вино в его бокале было холодным, а клубника, которую она только что собрала, была сладкой....

– Знаешь, Марк, мы не сможем поехать на Новый год на Домбай.

– Вик, ну мы же уже договорились! Все наши едут, Знаменский, Рошин, уже жильё сняли!

– Я не смогу.

Она как-то мягко улыбалась, и Марк не мог понять, шутит ли или говорит серьёзно. Поездка была давно оговорена и была традицией их большой, шумной и бездетной компании.

– А почему?

– Потому что, Шатов, ты будешь к тому времени мо-ло-дым... – она сделала длинную паузу, смешно вытягивая губы трубочкой – ... па-пой.

Кофе закипел в турке, и Марк перелил его в чашку, улыбка так и не сходила с его губ. Сделав большой глоток, он вернулся в прошлое. В середине декабря у него родилась дочь, а спустя ещё пять лет – сын. Софья Марковна Шатова и Иван Маркович Шатов. Конечно, многое изменилось с тех пор. Бизнес Марка давно вырос из коротких штанишек, отпуск они с Викой и детьми проводили в Европе, вещи покупались в брендовых магазинах, у Марка был водитель, офис размером с футбольное поле в центре города, контракты в Италии, Германии, Хорватии, Греции и Китае. Единственное, что осталось из прошлой жизни, этот дом в далеко не престижном районе, точнее, пригороде. Дом, который Марк уже давно перерос материально,

но одновременно с этим был привязан к нему почти физически. Марк не мог этого объяснить даже себе, не то что своим друзьям, иногда и напрямую спрашивавшим его, почему он не переедет в место «поприличней».

Допив кофе, он бросил взгляд на метеостанцию на стене. На табло светилось: 24.11.2019, Saturday, – 4 с. «Уже подмораживает», – пронеслось в голове. Марк надел на руку часы и поднялся в спальню детей. Комната освещалась рассветным солнцем, рассеянным светло-зелёной шторой, Софья плотно укуталась одеялом и лежала, отвернувшись к стене. По подушке рассыпались её тяжелые, светло-русые волосы. «Подросла. Как же она похожа на мать», – подумал Шатов. Марк вспомнил ту светло-русую девчонку в школьной столовой, когда они с другом Серегой влезли без очереди за беляшами. Она ничего не сказала, только посмотрела на него огромными глазами. И было в этом взгляде столько всего! И негодование, и обида, и насмешка, и какая-то гордость. Она не кричала, как все, и не ругалась, она просто вышла из очереди, а потом и из столовой, и Марк шёл за ней до самого кабинета биологии, шёл и не знал зачем. А потом дрался с Серёгой из-за того, что лучший друг назвал его «женишком». С Серёгой они, конечно, помирились, но Вика не замечала его ещё два года.

Марк поцеловал макушку дочери и повернулся к Ивану. Ну, разумеется, этот развалился поперёк кровати, подушка сбита в кучу, а одеяло на полу. Ивану всегда жарко и всегда скучно. Чтобы хоть как-то обуздать его энергию, Марк с Викой водят его в две спортивные секции, но победить этого человека-электростанцию не так-то просто. Марк поднял одеяло, укрыл сына, пригладил вихры на его голове и вышел из комнаты.

Он стоял на открытой веранде, и холодный осенний ветер трепал волосы на его сорокалетней голове, на которой уже пробивались первые седые нитки. Уже совсем рассвело, и над землей поднималась молочная испарина, поблескивали капли влаги на аккуратно постриженной траве газона. Газоны сохраняли свой ярко-зелёный цвет даже теперь, в ноябре, и Марк невольно любовался своим участком, который за эти годы лично превратил в райский уголок. Десятки можжевельников всех возможных видов, туи, корейские пихты, сортовые лилии, пионы, барбарисы и плетистые розы, причудливые клематисы и прихотливые мискантусы – сад играл всеми возможными цветами радуги, переходя из зелени газона в бордовый цвет очитков, затем разделялся на бледно-зелёный можжевельниковый и ярко-красный барбарисовый, тропинки из натурального камня вели тебя мимо искусственного пруда, вдоль подпорных стенок, спускали по ступенькам из песчаника вниз, разветвляясь и соединяясь вновь у небольших качелей, жаровни для приготовления еды и тяжёлого мраморного стола со скамьями, за которым в праздники могло уместиться с десяток человек. Когда этот стол появился в саду, Марк посадил рядом сосну и сказал всем, что обязательно придёт время, когда она вырастет, и прежде чем сесть за стол с друзьями, он будет смахивать с него иголки и шишки, нападавшие с её веток.

– Доброе утро!

От воспоминаний его отвлёк голос. Марк повернул голову, у изгороди стоял сосед.

– Здравствуйте!

Марк не помнил, как его зовут, не то Рашид, не то Ришат, да и не интересовался этим фактом никогда. Марка никогда не интересовали подобные люди. Возвести употребление спиртных напитков в ранг экзистенциального смысла бытия и пить горькую с каким-то отчаянием и лихостью – это было выше понимания. Сосед был именно из такой породы. Случались дни, когда его никто собственно и не видел, но вся округа знала, что Ришат/Рашид пьёт. Пьёт отчаянно и лихо, выворачивая наизнанку нутро, терзая себя так по-русски, хотя в принципе русским и не являлся. В такие дни из открытых окон его добротного, но давно требующего апгрейда дома по округе разносился Владимир Семёныч Высоцкий. Ришат/Рашит предпочитал в дни ноющей и шемящей тоски «Охоту на волков», «Кони привередливые» и «Песню о друге». Иногда послушать барда приходили и друзья соседа. Достоверно не известно, ходил ли Ришат/Рашит с ними в горы и поднимался ли на ледник, но как минимум в одном деле он мог

на них рассчитывать. Марк спокойно относился к этим фееричным загулам, никогда не вникал в их редкие дразги, тем более что при встрече с ним и Ришад/Рашид, и его верные мушкетёры вежливо здоровались, пряча свои сильно поношенные лица.

– Марк, у вас не будет двести рублей до вечера? Вечером отдам. – Старомодные усы Ришат/Рашида как-то уныло висели на его лице, и голова, казалось, парит над невысокой оградой, совершенно отделившись от тела.

– У меня, к сожалению, нет наличных – скрыть раздражение было трудно, но вроде получилось. «Сейчас чего-нибудь соврёт», – подумал Марк.

– Молока с хлебом просто хотел купить, ну ничего, дочери позвоню, чтобы привезла.

«Ага, – рассмеялся про себя Марк, – молока». В прошлый раз, когда сосед занял денег на молоко, Высоцкий уже через час рвал тишину своим хриплым голосом, а Ришат/Рашидова жена ещё дня четыре носила под глазом здоровенный синяк.

В кармане зазвонил телефон.

– Да

– Марк, привет! Выходи, я подъезжаю.

– Я уже у ворот.

Через пару минут Марк уже сидел в салоне новенького S класса и слушал, как Знаменский весело рассказывал про очередной адюльтер.

Стас Знаменский был старше Марка на двенадцать лет, но выглядел при этом гораздо моложе своего возраста. Непонятно, что его так сохранило, и их партнёры по любительской хоккейной команде шутили, что Стас часто падает, поэтому постоянно на льду и в замороженном состоянии. Знаменский не обижался, он был женат четвёртый раз, был лёгок на подъём, легко хватался за любое дело, которое, по его мнению, было перспективным и так же легко мог завалить любой участок работы из-за вдруг возникшего другого перспективного, по его мнению, участка. Существуют в мире люди, которые по своей сути есть мотыльки, привлечённые ярким светом, летящие на него и погибающие от его лучей. Стас был таким человеком. Его темперамент не предполагал под собой длинных переговоров, какой-то шахматно-последовательной, иезуитской игры слов, казуистики. Если Знаменский видел, что собеседник не воспринимает аргументов, либо ссылается на двусмысленные толкования, то просто закипал и зачастую наламывал дров, срывая важные переговоры.

Как-то на заре двухтысячных его очередные переговоры зашли в глубокий тупик и ему предложили закончить их вечером в не очень людной части города. Стас не был бандитом или членом ОПГ, но всё понял правильно. Он обзвонил всех своих друзей, включая Марка, и они на трёх машинах, количеством около десятка, выехали на встречу. Была зима, и Марк отлично помнил, как в стареньком «Гранд-Чероки», Стас им говорил:

– Короче, приедем, вы не лезьте, я поговорю просто. Вы для подстраховки, спокойно себя ведите, не вздумайте драку провоцировать. Мы простые коммерсанты. Пару моментов обговорим и всё.

Фары выхватили из темноты с полтора десятка фигур. Стас шёл прямо к ним, остальные на расстоянии трёх – пяти шагов. Когда до оппонентов осталось шагов пять, в голове Знаменского случилась непонятная метаморфоза.

– Вы чё, петушары, совсем всё попутали?! – с этим криком он врзал первому попавшемуся под руку прямо в лицо.

Итог этой «битвы при Аустерлице» был таков: Знаменский попросался с двумя зубами, сломал два пальца на правой руке и получил сотрясение мозга, Марку сломали нос, одному из друзей Стаса пришлось поносить гипс на ноге, остальные отделались синяками и ссадинами. Поле битвы осталось за Знаменским, ибо оппоненты ретировались.

Что безусловно нравилось Марку в Знаменском, так это его порядочность. У Стаса, как у самурая императорской Японии, был свой строгий внутренний кодекс чести. Стас был неза-

мысловат и прям, он очень точно делил людей по простому принципу «свой-чужой». Попад в первую категорию его классификации, ты мог не беспокоиться, что Знаменский будет плести какие-то интриги, обсуждать и осуждать тебя и твои поступки, перестанет общаться с тобой, как только изменится конъюнктура, или бросит тебя страдать от каких-либо бед и горестей, которыми наполнена наша непредсказуемая жизнь.

Именно эта черта его характера и притягивала Марка, и не в последнюю очередь из-за неё Марк и Стас были теперь компаньонами. Десять лет назад они открыли своё первое предприятие. Строительная фирма брала подряды на земляные работы и устройство фундаментов для малоэтажного строительства. Шли месяцы, годы. Росло количество заказов и, конечно же, наёмной рабочей силы из Средней Азии, открывались новые горизонты и, что особенно нравилось им обоим, росла капитализация. Спустя почти шесть лет их предприятие стало акционерным обществом, имело штат более трёхсот человек, более десяти отделов и служб, свою службу безопасности и бюро проектно-изыскательских работ. Тогда же и появился руководитель этого самого бюро Павел Рощин. Марк помнил, как он вошёл в их общий со Стасом кабинет, поздоровался и коротко представился:

– Павел Рощин, меня пригласили на четыре.

Марк машинально бросил взгляд на настольные часы «Монблан», поблескивавшие сапфировым стеклом и мерно чеканившие секунды. Без трёх минут. Марк ценил пунктуальность, особенно в мужчинах. Вообще, по его мнению, эта черта характера, собственно, и была одной из главных в формировании мужского облика. Ну согласитесь, трудно всерьёз воспринимать человека, постоянно опаздывающего на встречи, ищущего всевозможные оправдания и поводы, отговорки и причины. Есть несколько областей, где мужчина не имеет права быть не точным, он не должен заставлять себя ждать, он должен быть верен слову, он должен быть аккуратен в погашении долгов. Марк с удовлетворением отметил, что уж с одним-то по крайней мере у Рощина всё в порядке.

– Садитесь, – коротко отозвался Знаменский, вставая и указывая Рощину на стул, – Меня зовут Станислав, это, он кивнул на Марка – Марк, мы владельцы компании.

– Очень приятно.

– Взаимно. Мы просмотрели ваше резюме, оно нас заинтересовало. Диплом Делфтского технического университета, больше десятка проектов в России, Голландии, ОАЭ и Китае. У вас отличный послужной список, – рассыпался Знаменский.

Марк с интересом рассматривал Рощина. На вид лет тридцать. Джинсы и поло цвета прелой вишни, на ногах красные мягкие мокасины, над которыми видны носки в крупную красно-синюю клетку. Телосложение скорее худощавое, но больше всего привлекали глаза. Карие, тёмные и какие-то глубокие, они излучали силу и спокойствие. Этот взгляд был умным и одновременно странным. Марк к тому времени несколько раз участвовал в переговорах с иностранными инвесторами и хорошо помнил этот взгляд. Взгляд уверенного, свободного, знающего себе цену человека. Российские бизнесмены, к которым относились и сам Шатов, и Знаменский, смотрели иначе. Марк связывал это с реалиями местного бизнеса.

Коммерсант в России по сути своей является либо ловким дельцом, либо конъюнктурщиком, либо родственником чиновника. При существующей системе налогообложения, акцизов, пошлин и прочих прелестей предпринимательства человек вынужден нарушать не тот, так другой закон. И осознание своих грешков перед фискалами, иногда мелких, а иногда и не очень, делает человека осторожным, боязливым, дующим на воду, то есть совершенно несвободным человеком. Разумеется, были и другие, потерявшие берега, персонажи. Правда теперь они либо уже отбыли срок, либо, если успели уехать, не могли вернуться на родину.

Тем временем Знаменский продолжал:

– Наша компания работает на рынке много лет, и теперь нами принято решение ввести в штат новую единицу в связи с расширением. Ваша кандидатура нас устраивает, и мы хотели бы обсудить финансовые условия.

Марк откинулся на спинку стула и с интересом смотрел на Рощина. Ему было интересно, во сколько тысяч рублей оценит тот свои услуги. Тем не менее ответ его удивил.

– Я готов приступить к работе за прописанные в вакансии деньги.

Знаменский удовлетворённо улыбнулся и уже хотел было что-то добавить, но Рощин продолжил:

– Первые три месяца. Понимаю, что вы должны удостовериться в моих способностях. Далее я хочу удвоения оклада. А когда я приведу в предприятие международные подряды, я хочу быть партнёром. Проценты мы обговорим позже.

Рощин говорил короткими и спокойными предложениями, уверенно расставляя в них слова и глядя прямо в глаза Знаменскому. Тот не отводил взгляда, только молча постукивал о стол карандашом фирмы «Кохинор». Повисла долгая и тихая пауза, во время которой каждый оценивал, правильный ли ход сделал и какой ход разумнее совершить дальше.

– «Когда приведёте» или «если приведёте»? – насмешливо спросил Марк. Он уже оправился от первой судорожной реакции и удивлялся молчанию Знаменского, внимательно смотревшего в окно и, казалось, отстранившегося от переговоров.

– Видите ли, я не сомневаюсь в том, что контракты будут. Я знаю европейский и азиатский рынки, есть опыт работы с ключевыми игроками на этих рынках и, как следствие, есть уверенность – всё так же спокойно проговорил Павел.

– У меня в этой связи только один вопрос: зачем вам мы? Если всё так отлично и розово, как вы говорите, то... зачем? И почему наконец вы не в Москве, или не в Европе, а в нашем далеко не столичном городе? – Марк уже не сдерживал раздражения, этот хипстер был слишком высокого о себе мнения – И почему партнёром? Почему не просто повышение оклада?

– погоди, Марк, – Знаменский положил свою руку ему на плечо. – Давайте так, Павел. Мы посоветуемся и о нашем решении сообщим вам завтра утром.

– Хорошо – отозвался Рощин – о причинах моих условий я не расскажу, это личное, скажу одно, вы не пожалеете, если их примете. Всего хорошего!

Он встал, попрощался и вышел, оставив в кабинете задумчивого Знаменского и раздражённого Шатова.

Всё это проплыло в памяти Марка, как сейчас, а между тем прошло более семи лет.

За окном машины мелькали грязные городские пейзажи и ноябрь потихоньку отвоёвывал пространство для декабря, подмораживая ночью то, что выпало с неба днём, покрывая утренний город ледком луж, холодной дымкой и заставляя горожан кутаться в высокие воротники, капюшоны и шарфы. Знаменский между тем понял, что рассказ о знакомстве с умопомрачительной женщиной вчера в полумраке ресторана «Ноэль» совсем не интересует Марка, и перешёл на обсуждение предстоящих дел:

– Сейчас встретимся с юристами, обсудим договор с итальянцами, они вчера прислали. В понедельник нужно будет лететь.

Марк прижался лбом к холодному боковому стеклу машины. Он был рад этой поездке ещё вчера, поездке, которая должна была стать красиво поставленной точкой в переговорах. Уже несколько месяцев шла напряжённая работа по подготовке документов, согласованию графиков, обсуждению финансирования застройки целого микрорайона в пригороде Рима. Архитектором проекта был, конечно же, Рощин, и Марку вспомнилось, как ему показывали визуализированную презентацию. Рощин, безусловно, своё дело знал.

Оставалось встретиться с инвесторами и поставить подписи под контрактом, но сегодня, перед этим последним финишным рывком, Марк почувствовал какое-то опустошение, неясное, щемящее чувство какой-то усталости. «Наверное, погода», – пролетело в голове.

Вдруг его тело бросило вперёд, и он еле удержался, чтобы не удариться лбом о стекло, упревшись руками в переднюю панель. Звук сработавшего антирадар всё объяснил, рядом на водительском сиденье громко ругался Знаменский:

– Ну где, где ещё спрятали? Ездить по городу уже невозможно, везде камеры, тут-то где воткнули?!

Марк закипел. Внезапный испуг всегда вызывал у него нервную реакцию, и была это то ли защитная реакция организма, то ли просто особенность его натуры, сам он этого объяснить не мог. Они проезжали по шоссе малозаселённую часть города, и Марк прекрасно знал, что камер фиксации скорости тут никогда не было, но через несколько секунд и он, и Знаменский почти одновременно её увидели. Камера стояла на обычной треноге, а рядом на обочине был припаркован серебристый «Форд-Фокус» без каких-либо знаков ДПС, мигалок и прочей полицейской требухи. В салоне сидел обычный среднестатистический гражданин средних лет. Марку запомнилось его лицо, выщербленное оспой, и чёрная бейсболка с логотипом команды «Детройт Ред Уингс», крылатое колесо из американского города моторов.

– Вот ведь твари! Вот никогда не понимал таких упырей! Ну ты же сам едешь за рулём, что может тебя заставить взять у легавых в аренду камеру, поставить на дороге и по сути работать на них, выписывая штрафы? Ну вот как они сами себя уважают после такого? – возмущался Шатов.

– Вроде успел сбросить скорость, – засмеялся Знаменский

– Да какая разница, успел или нет? Выйти бы из машины всю рожу ему разбить! И тачку заодно вместе с камерой, – бушевал Марк, – чтобы другим неповадно было! Никчёмные, ни на что не способные ублюдки! Зарабатывать можно тысячей других способов!

Марк почувствовал, как закружилась голова. Видимо, совсем расшатал нервы. Кровь прилила к лицу и череп стал наполняться каким-то шумом. Он откинулся на сиденье и закрыл глаза. Нужно успокоиться.

– Да ладно тебе, – улыбнулся Знаменский, – почти приехали.

Марк старался сосредоточиться. Видимо, переутомился за последние месяцы с этим контрактом, и нервы совсем подводят, да и здоровье ни к чёрту. Ничего, вот всё закончится, и куда-нибудь к морю, лежать под ласковым солнцем, пить «Апероль» со льдом, провожать закаты и встречать рассветы с Викой. Они въехали на офисную парковку, и Марк увидел охранника, бодро шагающего к его двери.

ГЛАВА 2

Рощин сидел, откинувшись на спинку кресла, в своём кабинете. В огромном панорамном окне медленно просыпался город, зажигались электрические лампочки в бизнес-центре через дорогу, понемногу оживали дороги и светофоры, улицы наполнялись машинами и людьми. Он отчего-то любил это время и часто приезжал в офис очень рано, чтобы посмотреть на сбрасывающий с себя остатки дремоты город. Так он объяснял себе эту привычку, хотя, конечно, понимал, что делал это ещё и из-за того, что чувствовал себя одиноко в огромной квартире. Да, он, безусловно, был одинок. В свои тридцать восемь не имелось у Рощина в этом городе ни жены, ни детей, ни уютной дачи с запахом яблочного пирога, ни даже сколько-нибудь привязанных к нему друзей. Да, были партнёры, бизнес-проекты по всему миру, двухуровневая квартира в стиле лофт в центре города, пугающая его редких гостей какой-то стерильной чистотой, все атрибуты роскошной жизни в виде машин, часов, брендовых шмоток и прочей мишуры, такой желанной для многих и так с недавнего времени тяготившей Рощина.

Он родился в небольшом сибирском городке. Мать преподавала английский язык в местном филиале одного из столичных вузов, и, разумеется, к своим четырнадцати он свободно на нём говорил, читал английских и американских авторов в оригинале и даже писал статьи с фонетическим разбором сонетов Шекспира в школьной газете. Отца Рощин никогда не знал,

мать ничего о нём не рассказывала, да он и не спрашивал. Жизнь пролетала за учебниками, секцией плавания и кружком программирования. Рошин окончил школу с золотой медалью и без труда поступил на архитектурный факультет. Вокруг заканчивались девьяностые, и перед ним маячили пять лет учёбы в институте и последующее распределение в какой-нибудь ОКС, СМУ или нечто подобное. Но всё изменилось в один день. Рошин помнил, как пришёл из института и мать как-то торопливо, пряча глаза, стала собирать на стол.

– Мам, что с тобой?

– А что со мной? – деланно удивилась она, и Рошин сразу понял по её лицу, что произошло нечто важное.

– Мам?

Она повернулась, и он увидел её красное заплаканное лицо. Рошин подошёл и обнял её, прижав к груди. Мама была на целую голову ниже его, и он до сих пор помнил, как быстро промокла рубашка на его плече. Она плакала, по-детски всхлипывая, и не отрывалась от него, плечи тряслись, и Рошин гладил её по седеющей голове...

– Мам, рассказывай. Что случилось? На, выпей воды, – он налил ей полную кружку.

Она долго вытирала глаза платочком, раскачивалась и смотрела куда-то в пустоту. С минуту она пребывала в каком-то странном, совершенно отрешённом состоянии, потом вдруг сказала негромко:

– Твой отец умер.

Дальше Рошин узнал, что его отец, Роговицкий Константин Витальевич, неделю назад скончался от рака лёгких в городе Санкт-Петербурге в возрасте сорока пяти лет. В тот вечер мама рассказала ему всё. Как в январе 1981 года отец приезжал в их городок с иностранной делегацией по обмену сельскохозяйственным опытом. Как её прикрепили переводчицей к этой делегации, как ей понравился Костя, такой образованный, молодой, интересный и так не похожий на тех мужчин, которых она знала раньше. Всего неделю. Именно столько длилось мамино счастье, и именно столько было времени у Любви, чтобы вспыхнуть и зажечься в груди молодой ещё тогда девушки и не угасать в сорокатрехлетней женщине, которая рассказывала ему теперь о ней. То, что мама до сих пор любила отца, в этом Рошин не сомневался, ни тогда, ни сейчас. Мама старалась рассказывать о нём буднично, но он видел тот самый огонёк на самом дне её глаз... Тот огонёк, который дано нести через жизнь не всем, но если он затеплился, то человек как бы светится, отогревается изнутри и жизнь его наполняется многими смыслами.

Через неделю отец уехал. Он уехал не просто из их городка, он уехал из её жизни. А ещё через девять месяцев родился он, Павел Константинович Рошин. Мама дала ему свою фамилию. А ещё цвет глаз, длинные ресницы и характер. От отца же теперь, после его смерти, осталась большая квартира в Питере, о чём им в письме и сообщал нотариус. Копия завещания прилагалась к письму в конверте.

Рошин встал, засунул руки в карманы брюк и, погружённый в воспоминания, медленно пошёл вдоль длинного стола. Кабинет был обставлен с присущим хозяину аскетизмом. Здесь не было ни роскошного глобуса-бара, ни хьюмидора с дорогущими кубинскими сигарами, ни предметов живописи в безвкусных, отливающих золотом рамах как у Знаменского, ни кожаной мебели, ни коллекции холодного оружия, ни комнатного фонтана, купленного в Португалии за какие-то немыслимые деньги, как у Шатова. Рошин сам спроектировал мебель для своего кабинета, сам занимался его дизайном. Все конструкции здесь были подчинены функциональности и практицизму, помещение просто кричало о характере его владельца. Светлый ламинат на полу, монохромная, чёрно-белая поверхность фасадов и столешницы, хромовые каркасы стульев, стеклянные полки на стенах, густо заставленные техническими справочниками на английском языке. Поверх полок висела большая чёрная рамка, внутри которой на белом фоне была выведена надпись на иврите:

זהו יעבור

На вопрос, что она означает, Роцин отшучивался, что сам не знает, ему просто понравилась её визуализация.

Стена, располагавшаяся напротив двери, была огромным витражным окном, у которого стоял письменный стол Роцина и единственный, пожалуй, предмет роскоши – изготовленное на заказ глубокое анатомическое кресло. Он очень много времени проводил за компьютером, и роскошь эта была вынужденной. К письменному столу примыкал огромных размеров стол для совещаний. Здесь проектно-архитектурным бюро, которым он руководил, проводились планёрки, с лёгкой руки Роцина больше похожие на диспуты. За время руководства бюро, Павлу удалось собрать отличную команду не просто профессионалов, а по-настоящему творческих, мыслящих людей. Обычно тут обсуждали проекты, спорили, приводили аргументы и доводы. Роцин редко вмешивался, предпочитая как бы наблюдать со стороны, оценивая, взвешивая, иногда вставляя комментарии. Последнее слово всегда было за ним, и нередко Роцин, выслушав концепции всех присутствующих, отдавал разработку сразу нескольким сотрудникам, чтобы потом выбрать один, самый удачный вариант. Обычно этот стол был завален рабочими чертежами, расчётами, сметами, результатами экспертиз, отчётами изыскателей. Но не сегодня. Сегодня на углу стола лежали аккуратно подшитые в папки документы – результаты работы бюро и юридического отдела за несколько месяцев. Электронная презентация застройки квартала была тут же, записанная на флеш-карту. На ней за почти восемь минут несколько гектаров земли в пригороде Рима превращались в клубный посёлок сегмента лакшери, со своими коммуникациями, прудом, парком, двумя школами, торговым центром, четырьмя спортивными площадками, двумя теннисными кортами, детским садом и спа-центром. Бюро Роцина спроектировало двадцать четыре варианта домов, выполненных в одном архитектурном стиле. Презентация показывала, как на глазах рылись котлованы, росли стены и ложилась мозаика в бассейны, как появлялись дороги и тротуары, вырастала трава на газонах и деревья в парках. Глядя на экран этой ночью, Павел испытывал удовлетворение своей работой и гордость за бюро. Все было готово. Осталось провести переговоры с инвестором и подписать договор. Этот проект станет вишенкой на послужном списке Роцина и откроет новые границы и перспективы. Роцин остановился напротив рамки с надписью на иврите.

– Скоро, уже скоро.

В кармане завибрировал телефон. Павел, не глядя на экран, смахнул пальцем зеленый значок:

– Да

– Павел Константинович, это охрана. Вы просили предупредить...

– Они приехали? – оборвал он охранника

– Да, поднимаются в лифте.

– Хорошо.

Роцин прошёл к столу, разложил папки с проектами и документацией по порядку и включил висящий под потолком проектор. Затем прошёл к окну, задёрнул плотную штору и аккуратно разложил укатанный в рулон экран. Уже защёлкивая фиксаторы, он услышал за дверью шаги, через секунду дверь открылась и Шатов со Знаменским появились на пороге.

– Привет, Паш!

На Знаменском был короткий норковый не то пиджак, не то пальто. Знаменский напоминал Роцину Портоса, такой же добродушный, большой, любящий всё дорогое и блестящее, фанфарон. Всё в нём, начиная от одежды и обстановки его дома, заканчивая машиной, часами, украшениями и счетами в ресторане, было дорого, статусно и, на взгляд Павла, безвкусно. В Знаменском было с пару десятков лишних килограммов, но что было удивительно, он был достаточно спортивен. Роцин несколько раз смотрел, как они с Шатовым гоняли шайбу в компании таких же как они коммерсантов, и для него было удивительным, как Знаменский легко

катался на коньках. Шатов же был в прекрасной физической форме и потому Рощина совсем не удивил.

– Привет!

Рощин пожал протянутую ему руку, рукопожатие было крепким и каким-то надёжным... Вообще, у Рощина была своя градация рукопожатий. Она основывалась на эмпирическом опыте, и Павел ей очень гордился. По тому, как мужчина жмёт тебе руку, можно было сказать об этом самом мужчине очень многое. Рукопожатие с размаху, крепкое – рубаха-парень, живёт эмоциями, компанейский, слабое интеллектуальное начало. Рукопожатие крепкое, с попыткой либо потянуть вниз, либо как бы толкая, – привычка доминировать, решительный, любит действовать. Рукопожатие крепкое, с сильным сдавливанием – культ физической силы, яркое мужское начало. Рукопожатие вялое, как бы нехотя – демонстрация интеллектуального превосходства, нарциссизм. Конечно же, имелись и смешанные виды, и ещё с десятков других, но для Рощина рукопожатие всегда составляло о человеке первое впечатление, а как говорят англичане: «первое впечатление нельзя произвести дважды».

Между тем Шатов тоже протянул Рощину руку. Павел протянул свою. С самой первой встречи как будто какая-то невидимая чёрная кошка пробежала между этими людьми. Прошло уже несколько лет, а отношения между ними сохранялись на отметке ниже нуля, как любил говорить Знаменский. Он уже не раз пытался сделать их если не друзьями, то хотя бы приятелями. Конечно же, будучи русским человеком, Стас и попытки предпринимал совершенно русские – заказывал столик в ресторане, придумывал какой-нибудь повод, и они ехали все вместе, конечно же, выпивали, потом находилась какая-нибудь тема для разговора, а дальше сходились вместе лёд и пламень, и они спорили. Спорили до возведённого в абсолют нетерпения, приводя все мыслимые аргументы, разбивая доводы друг друга и подлавливая оппонента на нестыковках, Шатов раздражался, Рощин редко терял самообладание, а Знаменский, давно потеряв нить разговора, тихо напивался до совершенно безобразного состояния. После третьей или четвёртой попытки (Знаменский точно и не помнил), «федеральная программа по примирению враждующих сторон» была свернута. Надо признать, что характер взаимоотношений Шатова и Рощина никогда не влиял на работу, по какой-то внутренней самоорганизованности они оба сумели провести границу между личными и служебными коммуникациями.

– Ну давай хвастайся, чего там у тебя? – Знаменский расположился у длинного стола, Шатов сидел напротив, закинув ногу на ногу.

– Слушаюсь, господин генеральный директор!

Павел щёлкнул кнопкой на пульте управления, на экране проектора появился логотип компании и началась презентация.

Рощин смотрел её уже в сотый раз, но сегодня, после десятка его редактур, она казалась ему идеальной. Он наблюдал за Знаменским и Шатовым и ему казалось, что они удовлетворены происходящим на экране. Лицо Марка было серьёзным и непроницаемым, но за эти годы Рощин достаточно его изучил. Он был доволен, но дожидаться от него слов похвалы или прямого признания качества проделанной работы не приходилось. Знаменский же напротив, удовлетворённо кивал головой в такт говорящему по-английски голосу, широко улыбался, хотя Рощин знал на сто процентов, что Стас ни черта не понимает. Изучение иностранных языков не давалось Знаменскому просто никак. Он относился к типу людей, которые привыкли жить в своей раковине, тяжело прощались со старыми вещами и, говоря современным языком, «тяжело выходили из зоны комфорта». Люди этого типа страшно страдают от всевозможных изменений условий, малейшего отклонения от испытанных течений и тяжело расстаются с привычками. Однажды обрисовав круг своих интересов, привязанностей и пристрастий, Знаменский практически не выходил за его пределы, и новые термины, технологии, сетевые и программные возможности отскакивали от него, как капли дождя от куска оцинкованного профнастила. Английский язык тоже оказался вне этого незримого для остальных круга его

персонального комфорта. Рошин с усмешкой вспоминал, как ему приходилось переводить Знаменскому совершенно смешные, известные каждому школьнику слова, когда они въезжали в гостиницу в Лондоне или проходили таможенный досмотр в аэропорту Хитроу.

Зато в отличие от Знаменского, Шатов говорил на английском почти так же свободно, как и сам Рошин. Вообще, было непонятно, как два таких разных человека, как Стас и Марк могли быть не просто партнёрами, но ещё и друзьями. Хотя, с другой стороны, как гласил один из важнейших законов физики – разноимённые заряды притягиваются. Этот же закон дополнял – одноименные заряды отталкиваются, и это частично объясняло тот факт, что дружбы между Рошиным и Шатовым как-то не получалось.

– Отлично вышло! Молодец Паша! – наконец встал из-за стола Знаменский. Он просто сиял, как начищенный самовар.

Шатов кивнул на стопку сложенных папок:

– Контракты?

– Да, юристы подготовили контракты, спецификацию, отчёты изыскателей. Там же смета, расчёт авансовых платежей, копии учредительных документов и лицензий. Как я понимаю, летим все?

– Разумеется, – Знаменский присел на край стола. – Вылет в понедельник, в шесть сорок, завтра воскресенье, поэтому отоспимся и... надо ставить точку.

– Стас, мы ещё не обсудили один момент. Что с оплатой? Стоимость проекта более двухсот миллионов евро, как будем проводить? – Шатов вопросительно смотрел на Знаменского.

– Деньги пойдут в четыре платежа, поэтапно. Предварительно оговорено. Авансовый платёж в течение двух недель после подписания контракта, остальные три транша по мере выполнения работ. Суммы как раз и нужно обговаривать при заключении.

– Да это понятно, куда будем принимать? Мы разговаривали насчёт офшора, всё в силе?

Знаменский улыбнулся. Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный напополам лист и положил на стол:

– Мы, Знаменские, слов на ветер не бросаем! – всё так же широко улыбаясь, он продолжил: – Компания Leader Building Ltd. Зарегистрирована на Виргинских островах неделю назад. Бенефициары – господа Знаменский, Шатов и Рошин. Поздравляю вас и хотел бы сбрызнуть это событие! Паша, есть чего в заглавнике?

Рошин взял листок, оставленный Знаменским. Это была выписка из реестра, он быстро пробежал её глазами, наконец удовлетворённо кивнул:

– Всё так. А пить с утра грешно. К тому же, думаю успеем в Риме, сразу после подписания контракта.

– Кашу с вами не сварю – съязвил Шатов, но было видно, что он доволен. – Короче, сегодня-завтра выходные, в понедельник переговоры, потом вы, как хотите, я возьму недельку отпуска. Давно Вике обещал Венецию и Милан, как раз до авансового платежа есть пару недель. Заряжу, так сказать, батарейки.

– Я пас, – отозвался Знаменский, – есть дела в городе.

– У меня тоже ещё три проекта в работе. – Рошин понимал, что вопрос Шатова относился к одному Знаменскому, но всё же ответил.

– Ну, как знаете. Тогда встретимся в аэропорту. Документы забрать? – Марк кивнул на стопку.

– Я заберу. Вечером ещё полистаю. – Знаменский подхватил папки-накопители – Давайте, до встречи!

Марк встал, они со Стасом по очереди пожали руку Рошину и вышли из кабинета. На лестнице Марк спросил:

– Чем заняты с Кирой вечером?

– Да вроде нет планов.

- Приходите к нам, Вика ужин приготовит, посидим.
- Отлично! Договорились!
- Тогда в семь.
- По рукам!
- Марк хлопнул товарища по плечу:
- Езжай, меня не жди, я возьму такси. До вечера!

ГЛАВА 3

Утро вышло по-настоящему субботним. Виктория проснулась оттого, что попросту выпалась. Нет, конечно, она и в будние дни не унижала себя ранним пробуждением, но все же её будил приход няни, а случалось это не позже десяти часов. Сегодня, проснувшись и разложив своим касанием смартфон, она обнаружила, что уже одиннадцать. Естественно, от Марка уже было сообщение:

Марк

Сегодня будут Знаменские. Договорились на 19, ужин с тебя)

Вика села на кровати, вытянула вверх руки, потянулась и пошла в ванную. Шёлковая сорочка медленно сползла с её тела, обнажив прекрасную и ухоженную фигуру. Она рассматривала себя в зеркало, критично оценивая каждый изгиб, повернулась в профиль, втянула живот, поиграла ягодицами, ещё не потерявшими своей упругости, затем показала отражению белоснежные зубы, откинула со лба непослушную прядь выющихся волос и вдруг прямо голышом пошлёпала обратно в спальню. Здесь она взяла в руки смартфон, и пальцы ловко забегали по экрану:

Будет япония) Купи рукколу, сыр, авокадо, семгу. Целую)

Марк был онлайн, ответ пришёл через секунды:

Марк

Ну куда целую то? Она как корова размером.

Вика прыснула со смеху.

Вика

Шатов, Шатов...))) Семгу можно в вакуумке. Это я тебя целУю))

Марк

ок)))) И я тебя целУю)

Вика

Когда будешь?

Марк

Около 17

Вика отложила гаджет и снова прошла в ванную. Там она встала под душ и подставила лицо под струи тёплой воды. Вот уже двадцать лет они женаты. И ведь впечатления об этих годах совершенно двоякие! С одной стороны, кажется, что всё было как вчера, ещё вчера Шатов, этот двадцатилетний мальчишка провожал её от дверей института до дома. Ещё вчера он читал ей Бродского на набережной и угощал шампанским на последние деньги, катал на детских каруселях в парке и доставал билеты на концерт «Руки вверх». Ещё вчера они гуляли по городу до самого утра и попали под такой ливень, что промокли от макушки до пяток, и Вика долго болела, а Марк вечерами сидел у её кровати и гладил её по голове, пока она спит. Ещё вчера... А с другой стороны, как будто и было всё в другой жизни... В другой жизни жил тот романтичный и тонкий во всех смыслах паренёк, так трогательно ухаживающий и чувствующий. Такой внимательный и переживающий... Конечно, Марк изменился за эти годы, но ведь не меняется только то, что мертво. Жизнь, обстоятельства, слова, поступки окружающих – всё то, что составляет объективную реальность бытия, конечно же, меняет человека, переворачивает его представление об окружающем мире и в конечном итоге формирует как личность.

Французы говорят: «Люди кричат, что ты изменился, когда ты перестаёшь делать то, что они от тебя ожидают». Изменилась ли сама Вика? Разумеется, да. И она это сама отчётливо понимала, не понимала она лишь одного, в какой момент изменились их с Марком отношения? В какой момент они повернули не туда? Или эта метаморфоза – тоже часть объективной реальности? Они не заметили момента, когда перестали разговаривать друг с другом, как сами собой куда-то делись те миллионы тем, на которые раньше они спорили, над которыми они вместе смеялись и из-за которых даже ссорились. Ведь если сейчас посчитать количество слов, сказанных ими друг другу за сутки, то их едва наберётся пара сотен. Дежурные поцелуи в щёку и дежурные фразы, брошенные на бегу, второпях... Дежурные подарки в виде сертификатов и карточек сетевых магазинов... Ведь если вдуматься, они созданы для случаев, когда не знаешь, чего подарить. А как можно не знать, что подарить человеку, которого любишь? Которого знаешь лучше, чем самого себя. Ведь это значит, что получать сертификат – это обидно, а дарить его – стыдно, потому как этот подарок как пиратская чёрная метка для ваших чувств. Вручая его, ты как бы говоришь: «У тебя сегодня праздник, я должен тебе что-нибудь подарить. Не имею ни малейшего понятия, что ты хочешь, и знать особо не хочу. Поэтому сходи сам(а) и выбери на своё усмотрение». Вот именно так это выглядит и именно так и Марк, да и сама Вика, чего уж там говорить, жили последние несколько лет. И, перепутав сегодня ударение в слове, причём в слове знаковом, Марк, сам того не зная, плеснул бензина в костёр её размышлений.

А страсть? Ну разумеется, человек не может гореть огнём двадцать лет, разумеется, чувства притупляются и трансформируются во что-то более прагматичное и спокойное, в конце концов, вы просто взрослеете... или стареете? И вот уже ты надеваешь самое сексуальное бельё, лёгкий пеньюар, делаешь причёску и оставляешь детей у мамы, готовишь лёгкий ужин и открываешь бутылку вина... А он приходит домой в десятом часу, говорит, что должен немного поработать и закрывается в кабинете за компьютером, или того хуже – возвращается со Знаменским, уже изрядно навеселе и всю ночь они играют на бильярде и курят мерзкие доминиканские сигары. Вот и сегодня намечается что-то подобное, только придет ещё и Кира, очередная супружница неутомонного Стаса.

Вика включила фен и начала считать, какая же по счёту у Знаменского «вечная любовь»? Вышло, что четвёртая. Кира была на год младше Виктории и на шестнадцать младше Стаса. Черноволосая, коротко стриженная, с зелёными глазами, она выглядела весьма и весьма эффектно, и когда Знаменский увидел её в театре, исход был предreshён. Потом он любил болтать, что увидел в ней Олю из «Зимней вишни», и был сражён взглядом её прекрасных глаз, но на самом деле всё было проще. На ней было платье-футляр, идеально подчёркивавшее её и вправду классную задницу, к тому же с откровенным разрезом спереди, приоткрывавшим миру ещё два неоспоримых её достоинства третьего размера. Если прибавить идеально подобраный макияж (это Кира умела как никто) и прекрасную белозубую улыбку, то картина будет полной. Зная Стаса достаточно хорошо, Вика не удивлялась его моментальной капитуляции. С Кирой они ладили хорошо, можно даже сказать дружили, но их дружба не выходила за рамки вечеринки, где они появлялись с мужьями.

Вика прошла в спальню к детям:

– Эй, засони, вставайте! У нас сегодня много дел!

На удивление, Иван не спал, он конечно же держал в руках планшет Софьи и лежа под одеялом, смело водил пальцем по экрану:

– Доброе утро, мам! Если что, Софья мне разрешила.

Он не отрывал взгляда от экрана, и Вика невольно залюбовалась своим шестилетним мужичком. Глаза, конечно, шатовские, голубые при обычном освещении и серые в полумраке. Взгляд как у Марка, иногда кажется, что заглядывает прямо внутрь тебя, эдакий человек-рентген. Вихрастая голова цвета соломы и длиннющие ресницы, как опахала, обмахивающие про-

странство, торчали из-под одеяла. Вика присела на край кровати и тихонько поцеловала его в лоб.

– Мам, не мешай!

Иван нахмурил брови, но тут же опять провалился в игру. Вика разглядывала его лицо, сосредоточенное на экране, и улыбалась. Людям свойственно смотреть на своих детей предвзято, в том смысле, что нам они кажутся самыми красивыми, самыми умными и самыми воспитанными. Родители лишены объективности при оценке поступков своих детей, сказанных ими слов и выбранной линии поведения, наша безмерная к ним любовь призвана уничтожить эту самую объективность. А может, так и должно быть? В детстве, как в любом другом проходящем периоде жизни, должен быть свой шарм. Ведь так необходимо человеку в конце концов понимать, что его любят, любят так безгранично, что могут простить. Простить за необдуманные слова, за плохой поступок, за сделанную ошибку и даже за подлость. Его могут простить. И его будут любить. Детство – это такой тренировочный полигон для подготовки человека к жизни, здесь ошибки не фатальны, взрывы не отрывают ног, а пули не разрывают внутренностей. На этом полигоне всё искренне и всё по-настоящему. Весь парадокс состоит в том, что, как выясняется потом, в детстве человек именно ЖИВЁТ. И жизнь эта даже более настоящая, чем жизнь взрослая. Именно в детстве мы едим досыта, но не переедаем, ложимся, когда хотим спать, а не потому, что завтра на работу. Мы свободны от приличий, условностей, этикета. Мы общаемся не с важными, а с приятными нам людьми, не считаем нужным прятать слёзы и обиду, называем дураков дураками и любим до самого конца, до того щемящего сердце чувства, до той бессонницы, что заставляет нас считать на небе звёзды и выпивать по шесть чашек чаю за ночь. Очень жаль, что эта мифическая страна, откуда мы все родом, эта Атлантида под названием ДЕТСТВО, уплывает от нас, как жухлый лист по весеннему ручью.

– Мам, а я есть хочу! – Иван наконец отложил планшет и обнял Вика за шею. – Что ты нам приготовишь?

– Сегодня в меню яичница и ананасовый йогурт, – улыбнулась Вика.

– Я ещё липкие макарошки хочу! – глазки Ивана с хитрецей прищурились.

– Ванька, они называются чак-чак! Буди Софку и идите завтракать, всё будет готово через пять минут.

Было десять часов утра, когда Марк, перепрыгивая через полузамёрзшие лужи, быстрым шагом подходил к торговому центру, что возвышался через дорогу от офиса. Здесь с торца большого здания располагался как-то по-домашнему уютный магазинчик цветов. Несколько месяцев назад Шатов совершенно случайно обнаружил его, проезжая на машине, и с тех пор, если нужны были свежие живые цветы, покупал их только здесь. Несомненным плюсом этого места был прекрасный кофе, который хозяйка магазинчика варила покупателю, если ему приходилось ждать, пока ему соберут букет. А поскольку Шатов никогда не покупал готовых букетов, то кофе его угощали здесь постоянно. Вот и сегодня, едва переступив порог, он улыбнулся поднявшей на него глаза хозяйке:

– Привет, Жень! Мне как обычно.

Хозяйку магазина, и по совместительству продавца, звали Евгения. На вид ей было лет двадцать пять. На вкус Марка полновата, но очень приятная и общительная, Женья всю себя посвятила своему небольшому бизнесу. Как уже успел понять Шатов, она знала толк в цветах, флористике и дизайне, букеты, подготовленные Женей, были по-настоящему безупречны. Марк не сомневался, что этот маленький магазинчик – лишь начало её большого бизнеса, он видел это по её отношению к делу и клиентам.

– Извините, Марк, но больших корзин сегодня нет. Поставщик подвёл. Розы, разумеется, есть, хотите, я вам соберу в подарочную бумагу? Могу предложить крафт. Скомбинируем, будет хорошо!

– Негодяй ваш поставщик, – улыбнулся Шатов. – Я вам доверяю, Женя. Сделайте на свой вкус.

– Хорошо, кофе готов, – Женя поставила перед ним чашку, – приятного!

Марк сделал глоток, достал из кармана смартфон. Вчера он обещал Эльмире приехать в одиннадцать.

Эльмира

Привет) Как настроение? Ничего не изменилось?

Марк

Привет, все в силе) До 16-00 свободен

Эльмира

Тогда жду и скучаю)

Марк

Я тоже)

Шатов терпеть не мог глупые телячьи нежности, и, как следствие, необходимость всех этих «целую», «люблю», «скучаю» и тому подобного. Настоящие чувства не любят пышных фраз, цветистых словословий и нагромождений милоты. Нет, он не был суровым дровосеком и сторонником деревенской брутальности, но чувства предпочитал проявлять наедине и не на словах. Шатов любил в женщинах утончённый ум, шарм, ускользающую игру слов, полу-взгляды, полунамёки и двусмысленность. Он любил, когда непонятно, кто на кого охотится, когда всё зыбко, когда одной фразой можно всё испортить или наоборот, одержать победу. С Викой было именно так. Ни до неё, ни после у Марка не было ни с кем ничего подобного, а женщин в его жизни было достаточно. Наверное, это и есть любовь, думал Шатов. Ведь в конце концов как бы он ни увлекался очередной длинноногой красавицей, проходило время, причём иногда весьма короткое, крепость бывала взята, иногда штурмом, реже – осадой, и Марк отчётливо понимал, что эта взятая твердыня абсолютно во всём проигрывает Вике. Спустя время он даже перестал сравнивать, потому как результат не менялся. С Эльмирой было также. Они познакомились на банкете, бюро Рощина как раз закончило один из своих проектов, и она оказалась представителем заказчика, приглашённым на торжество. Волосы чёрные, как смола, точнее гудрон в строительной печи-бочке, что стояла в их дворе в детстве, когда рабочие ремонтировали кровлю. Эту пришедшую на ум аналогию Шатов запомнил, и спустя время рассказал Эльмире, когда её голова лежала у него на груди, а он запускал в эти отчаянно-чёрные волосы свои пальцы. Они вместе смеялись. А ещё у неё были тёмно-карие раскосые глаза, правильно вычерченные губы и тонкая гибкая фигура кошки. Кошка тоже была в виде татуировки на пояснице, в том месте, где уже начиналась округлая ягодница, с маленькой правильной формы родинкой. Но конечно же, о существовании кошки и родинки Шатов узнал не сразу.

Одним из принципов Марка в отношениях с женщинами был принцип временности. Все, абсолютно все его женщины должны были понимать, что их отношения временны, не подразумевают никаких серьёзных намерений и не продиктованы глубоким и всеобъемлющим чувством. Короче, никакой любви и замужества, только флирт, секс и приятное времяпрепровождение. На первый взгляд аморально, но, по мнению Марка, предельно практично и честно. Никаких драм, заламывания рук и истерик. Попытки случались, но эти попытки Марк гасил беспощадно, никогда более не встречаясь с излишне впечатлительными любовницами. Так же требователен Шатов был и к себе. Как только он чувствовал, что излишне привязывается к очередной красоте, то прерывал общение не менее стремительно. Семья и дети были для него священны, более того, он чувствовал, что после очередного обрыва очередных отношений его тянет к Вике с новой силой, словно какая-то неведомая сила наплатала его энергией, эмоциями и настроением.

– Марк, ваш букет готов. – Женя протянула ему огромных размеров композицию из сто одной ярко-красной розы, завёрнутых в розово-белую гофрированную бумагу со вставками из каких-то спиралевидных травинков, мохнатыми колосками, окрашенными в белый, красный и розовый цвета.

– Спасибо, Жень! Ты, как всегда, на высоте! – Марк встал, рассчитался за цветы и хитро подмигнул: – Хорошего дня!

Сто одна роза – это, конечно, неимоверная пошлость и безвкусица, но на женщин эта гора цветов, надо признать, производила должное впечатление. Шатов сел на заднее сиденье такси, назвал адрес и снова достал смартфон:

– Алло, Стас! Слушай, а я чего-то не спросил, на переговорах кто будет переводить? Ни я, ни Паша не говорим на итальянском.

Знаменский рассмеялся:

– «Штирлиц подумал, не упустил ли он чего-то главного?» Марк, проблем не будет, сеньор Валетти прекрасно говорит на английском, но учитывая, что этот проект – не первая его сделка с российской компанией, у него в штате есть русскоговорящий юрист. Поэтому даже я пойму всё, о чём мы будем говорить, – он вновь засмеялся.

Улыбнулся и Марк.

– И это будет первый раз, когда господин Знаменский поймёт всё, что хочет сказать ему иностранный заказчик. Ладно, давай к семи, без опозданий.

– Обижаешь, будем как часы.

Шатов повесил трубку. В такси стоял химический запах ароматизатора воздуха, и у Марка даже начала кружиться голова, потихоньку трансформируясь в какую-то тяжесть в висках. Он приоткрыл окно, и струи свежего воздуха полились в салон. Марк вдыхал этот влажный и холодный осенний воздух, а машина плыла мимо забрызганных грязью остановочных пунктов, однотипных, построенных в послевоенное время домов, первые этажи которых пестрели самыми различными вывесками. Эти низкие, четырёх- или пятиэтажные дома были выстроены на «красной линии», вдоль центрального проспекта города, и, проезжая по этому самому проспекту, можно было увидеть, как из-за спин этих «пенсионеров» выглядывают дома новые, многоэтажные, похожие на муравейники. Некоторые из них кирпичные, встречаются и панельные, а которые совсем новые, облицованы фасадной полированной плиткой, либо выполнены из стекла. Марк хорошо знал этот город, знал все схемы получения разрешений на строительство, выделения земельных участков, утверждений и согласований планов. Пресловутая коррупция съедала всех честных участников рынка, и на плаву можно было держаться, только имея связи, знакомства, вращаясь в нужных кругах и заходя в нужные кабинеты. За всё это и отвечал Знаменский, будучи генеральным директором, и отчасти сам Шатов, будучи директором коммерческим. Но если Стас относился к необходимости «заносить» хоть и как ко злу, но злу неизбежному, то Марк, понимая, что никуда деться от этого не получится, всё же всячески избегал визитов в высокие кабинеты. Знаменский шутя называл его чистоплюем и иногда нарочно отправлял на такие встречи, придумав какую-нибудь причину и от души смеялся потом, когда Марк брезгливо рассказывал, как всё прошло. Стас не был человеком беспринципным, просто характер его натуры был таков, что ему нравилось кормить с руки. Ему было безразлично, кто ест из его ладони, будь то чиновник, официант, охранник или все вместе взятое. Окормлял он щедро, как эдакий русский барин, приехавший из столицы в своё имение в провинции. Вообще, Знаменский и по виду, и по манере разговаривать и держаться напоминал Шатову именно помещика, или чрезвычайно разбогатевшего купца первой гильдии. Такой же располневший, всегда в хорошем настроении, розовощёкий, самодовольный. На первый взгляд даже глуповатый. Но Шатов знал, что Стас чрезвычайно сметлив, умён, расчётлив и способен думать на несколько шагов вперед. Иначе чем объяснить появление в их предприятии Рощина?

Марк помнил, как он был против принятия Павла на его условиях, и помнил, как Знаменский тогда сказал:

– Марк, мы с тобой партнёры и друзья. Я никогда не принимал важных решений без тебя. Ни разу я не просил тебя поменять своё мнение и не давил. В этот раз я просто прошу, доверься мне! Я чувствую в этом парне потенциал, я видел его работы, я думаю, что мы не пожалеем.

Шатов тогда согласился, и они действительно не пожалели. Рощин оказался фанатиком своего дела, и как бы Марк к нему ни относился, не признавать в Павле профессионала было невозможно. Хотя и идеалистом он тоже был законченным. При проектировании одного из жилых комплексов он никак не соглашался убрать из проекта подземный паркинг, уменьшить площадь детских площадок, сократить озеленение. В его полуевропейском мозгу никак не укладывалось, что первый этаж ещё только проектируемого здания уже отдан под коммерческую недвижимость заместителю мэра города и его аффилированным лицам, и поэтому спортивный зал и спа там находиться никак не могут. Конечно, за последние годы Рощин свыкся и примирился с действительностью, но Марк иногда ехидничал на эту тему, чем способствовал поддержанию их тлеющего ментального конфликта.

Такси повернуло во дворы. Вот если бы Рощин застраивал их город, Марк бы не стал закрывать окно, потому как они проехали бы не мимо огромных мусорных баков, вокруг которых валялись разорванные собаками пакеты, перемешанные с остатками еды, а мимо какого-нибудь теннисного корта или роллердрома для детей.

Они остановились, Марк протянул водителю пятьсот рублей, поблагодарил и вышел из машины. Голову вроде начало отпускать. Пройдя мимо пустых скамеечек, блестящих от капель дождя, он набрал цифры домофона, спустя секунду прозвучал зуммер и дверь открылась. Марк снимал эту квартиру второй месяц, они с Эльмирой решили, что встречаться здесь им будет удобней обоим. Он был женат, Эльмира была замужем. Простая человеческая история.

Звонить в дверь квартиры не потребовалось, дверь была полуоткрыта. Марк шагнул в коридор, освещённый только маленьким настенным бра, и увидел её. Эльмира стояла в дверном проёме, и по полумраку, царящему во всей квартире, было ясно, что окна плотно занавешены шторами. Шатов тоже прислонился к стене и разглядывал её фигуру, длинный красный кружевной пеньюар с доходящими до локтя рукавами, короткую стрижку, выгодно подчёркивающую линию изящной шеи. В спальне позади Эльмиры подрагивал тёплый свет, и Марк догадался, что это свечи. Этот дрожащий свет отбрасывал на пол такие же дрожащие тени и тёмный, отчётливый силуэт её тела смотрелся в этом свете ещё сексуальнее, ещё притягательнее.

– Молодой человек, это мне цветы? – её грудной голос прозвучал тихо, скрещённые на груди руки вдруг шевельнулись и указательный палец лёг на губы. Глаз её Шатов не видел, но мог поспорить, в них скачет тот огонёк, на который мужчины как мотыльки летят, не разбирая дороги.

– Это вам, мадам – прошелестел Марк, и сам не узнал своего голоса

А её руки уже распускали узел пояса, и через мгновение пеньюар лежал на полу, а Эльмира стояла перед ним в чёрно-красном белье, подчёркивавшем ослепительную шелковистость её кожи, и конечно же, в чулках с поясом. Она так и стояла, придерживая край лежащего на полу пеньюара, и смотрела на него с вызовом, потом повернулась, сделала шаг, и Марк увидел кошечку на её ягодице. Эльмира повернула голову:

– Цветы оставьте здесь, они нам пока не понадобятся.

ГЛАВА 4

Колокол храма Сан Джованни деи Фиорентини, что находился в соседнем слева квартале, пробил шесть часов. Ноябрь в Италии – не самый тёплый месяц, и звук изрядно приглушали закрытые наглухо рамы панорамного окна. За окном проплывали серые облака, начинало

смеркаться, и человек, чьи тёмно-карие глаза сейчас смотрели сквозь стекло на набережную дельи Альтовити, начинал чувствовать лёгкий голод. Ужин он распорядился подать в семь, но полчаса назад открыл бутылку любимого тосканского вина, и аппетит пришёл гораздо раньше. Человека звали Луиджи Валетти. К своим пятидесяти трём годам он сохранил прекрасную физическую форму, чему способствовали регулярные физические нагрузки, личный диетолог и не в последнюю очередь, конечно же, генетика.

Родители Луиджи жили в Больцано, на самом севере Италии, и все своё детство и юность он провёл в горах, и это обстоятельство наделило его поистине богатырским здоровьем. В семнадцать Луиджи покинул родительский дом, чтобы заработать денег в Милане. Он уже тогда мечтал о дипломе экономиста, а лучшим университетом в Италии считался Пизанский. Полтора года он подрабатывал в ресторанах, такси и вокзалах, жил в самом дешёвом пригороде и питался самыми дешёвыми продуктами. У отца был свой небольшой автобизнес в Больцано и он мечтал передать его Луиджи, но у сына были совсем другие планы. Когда он уезжал в Милан, отец сказал матери:

– Пусть поедет, поживёт впроголодь и вернётся. У него было всё, теперь пусть попробует, когда нет ничего.

Луиджи сделал глоток и улыбнулся. Внизу под окнами в нескольких десятках метров нёс свои воды Тибр, главная река великого Рима! Сумерки спускались на вечный город и делали реку мрачной и тёмной. Справа, возвышаясь над мутной водой, начинался мост Святого Ангела, перекинувший пять своих арок на противоположный берег. Там, Луиджи знал это наверняка, хотя сейчас уличное освещение ещё не было включено, стоял замок Святого Ангела, один из символов папского могущества раньше и один из центров притяжения туристов сейчас. Император Адриан построил этот замок в сто тридцать седьмом году как мавзолей для себя и будущих императоров Рима и в последующее столетие прах властителей империи хранился именно тут. Если верить красивой легенде, то название своё замок получил при папе Григории Великом в пятьсот девяностом году. Именно тогда, во время бушевавшей в Риме эпидемии чумы, понтифик увидел в небе над замком Архангела Михаила, вкладывающего меч в ножны, и понял, что это знак Спасителя. Чума отступила, и замок получил своё название. В последующие столетия укреплялось могущество папства и Ватикана, замок Святого Ангела много раз перестраивался, превращаясь в неприступную для того времени твердыню, где во время многочисленных набегов на Рим укрывался понтифик. Основное здание замка соединялось с Ватиканом укреплённым коридором, по которому властитель католического мира перемещался в безопасное место за толстыми стенами. Вообще, Сэнт Андже́ло по своей сути являлся символом Ватикана эпохи Ренессанса также, как собор Святого Петра. Здесь роскошные апартаменты пап соседствовали с тюрьмой, где пытали и казнили людей, молитвы и проповеди перемешивались со стонами истязаемых и умирающих. Здесь в тюрьме провёл шесть лет своей жизни Джордано Бруно, прежде чем взойти на костёр святой инквизиции. Вряд ли император Адриан, затеявший строительство мавзолея в период расцвета Рима, думал, что спустя триста лет вестготы захватят его детище, разграбят и разорят сам замок и развеют по ветру прах всех императоров, хранящийся в усыпальнице. Адриан ошибался.

Луиджи допил вино и поставил бокал на столик. Людям свойственно ошибаться в расчётах. Вот и его отец ошибся. Через полтора года Сантино Валетти лично приехал за сыном в Милан.

– Луиджи, я признаю свою ошибку. Ты доказал, что можешь идти к поставленной цели, и я очень уважаю тебя за это, мой мальчик! – Он потрепал изрядно исхудавшего сына за щёки. – Мама очень хочет, чтобы ты вернулся, поступай в свой университет, я оплачу обучение.

Луиджи взял у отца денег. Только на оплату первого курса и только займы. Сейчас, глядя на освещённый уличными фонарями центр Рима, он вспоминал события сорокалетней давности и улыбался. Закончив университет с отличием, он принял приглашение на работу от

Центрального банка Италии и начал восхождение по карьерной лестнице, параллельно инвестируя свободные средства в самые разные ценные бумаги. Спустя восемь лет он открыл свою первую брокерскую фирму. Спустя ещё шесть он стал миллионером.

– Сеньор Валетти, – мажордом, стоя на пороге, отвлёк Луиджи от воспоминаний. – Сеньор Валетти, ужин накрыт в гостиной.

– Спасибо, Марко! – Валетти привычным движением расслабил узел галстука – Джулия уже там?

– Да, сеньор.

– Хорошо, я иду.

Луиджи посмотрел в огромных размеров зеркало, висящее на стене и занимавшее всё пространство между таких же огромных окон. Костюм, сшитый на заказ в одном из флорентийских ателье, сидел как влитой. Тёмные волнистые волосы уже изрядно побелели возраст, но седина была единственным признаком его весьма зрелого возраста. Валетти поправил причёску, подмигнул отражению одним глазом и направился в гостиную.

Эти апартаменты на последнем этаже старинного особняка были куплены им около года назад. Тогда Валетти, будучи яхтсменом-любителем, совершал переход до Швеции и всю сделку поручил своим юристам. Уже в порту Стокгольма он получил снимки интерьера в стиле ампира, в тяжёлых и помпезных бордово-золотых тонах и сразу же решил всё здесь переделать. В тот день они праздновали удачный переход в стокгольмском яхт-клубе, и именно там он увидел её. Он никогда до этого не видел таких красивых женщин. Огненно-рыжие выющиеся волосы, зелёные глаза, правильные черты лица, немного тонковатые, иронично-изогнутые губы и улыбка... Луиджи любовался Джулией из другого конца зала, боясь встретиться взглядами, он наблюдал, как она о чём-то разговаривает с хозяином яхт-клуба, показывает ему какие-то бумаги, разложенные на столе, и увлечённо что-то рассказывает. В тот вечер Валетти так и не смог подойти к ней, но навёл справки и узнал, что даму зовут Джулия Кормье, она бельгийка, но сейчас живёт в Стокгольме, занимается дизайном интерьеров и публикуется в журнале «Европейский дизайн». Ей тридцать восемь, детей и мужа нет, адрес и телефон прилагались.

Луиджи огляделся вокруг. Джулия не только хорошо знала своё дело как дизайнер, она оказалась человеком, чьи мысли почти во всём совпадали с его собственными. Это он понял при их первой встрече тогда, в Стокгольме, и это ощущение, ощущение близости единомышленника, не отпускало его по сей день. Дизайн-проект апартаментов был готов через неделю, и Валетти был потрясён отсутствием недостатков. Просматривая подготовленные Джулией материалы, он ловил себя на мысли, что все мелочи, от оттенка мраморной плитки на полу, до тона текстиля на окнах и обивки мебели, подобраны так, как если бы он сам этим занимался. Помимо этого, Джулия оказалась очень лёгкой в общении, они много времени стали проводить вместе, и ей вновь удалось удивить его. Красивые женщины редко бывают умны, этот нехитрый закон Луиджи усвоил уже давно, но Джулия не попадала в рамки сложившихся стереотипов. Обладая живым умом, который смешивался с превосходным чувством юмора и образованностью, она была в состоянии превратить простую беседу в увлекательное путешествие, интересный экскурс или перемещение во времени. История архитектуры и искусств, политика, психология, экономика, философия – ему казалось, что она может рассуждать на любую тему, и постепенно Джулия начала заполнять собой некий вакуум, окружавший его долгие годы. Наконец-то, он это чувствовал, в водовороте окружавших его людей появился человек, настолько близкий ему внутренне, и, что казалось ему ещё более удивительным, настолько нужный. За многие годы жизни, прошедшие после его стремительного финансового взлёта, Луиджи привык к какой-то автономности и самодостаточности, он привык к тому, что нужен он. Нужен своим многочисленным сотрудникам, партнёрам, заказчикам, корреспондентам финансовых изданий, организаторам всевозможных выставок, даже хозяевам фитнес- и яхт-клубов. Сам же Валетти не нуждался. Ни в ком и ни в чём. Эта созданная им парадигма существенно облегчала

жизнь, и по сути являлась не то внутренней защитой, не то его жертвой человечеству, он сам ещё этого не понял. Такова жизнь современного человека: сначала ты гонишься за первыми деньгами, потом за образованием, потом пытаешься его применить, потом заработать первый капитал, потом его умножить, а потом просыпаешься как-то утром на своей яхте, тебе пятьдесят три, и окружает тебя лишь корабельная команда и море. Казалось бы, не самый худший вариант. Но тебе пятьдесят три. И те часы, тиканье которых ты не замечал до этого, начинают тикать всё громче и громче, и что самое ужасное, всё быстрее и быстрее.

Валетти шёл по просторным коридорам, за огромными окнами уже наступила темнота, и уличные фонари растягивали длинные тени на старую булыжную мостовую. Ноябрь – не самый туристический месяц в Риме, и на мосту Святого Ангела почти не было народу. Освещённые фигуры на постаментах в темноте смотрелись ещё более торжественно и величаво, а позади них, там, где на фоне чёрного неба возвышалось огромное тело самого замка, выхваченная мощными прожекторами из тьмы, с высоты башенных стен за городом приглядывала статуя Архангела Михаила. Луиджи усмехнулся. С апреля по октябрь прямо у стен замка играли уличные музыканты, и одного из них он почему-то вспомнил сейчас. Худой и сухой, как щепка, этот человек был одет в узкие обтягивающие джинсы, светлую рубашку-поло и такую же светлую шляпу с широкими полями. На ногах у него были надеты женские туфли на высоченном каблуке ярко-красного цвета и такими же ярко-красными были губы, щедро покрашенные помадой. Человек достаточно прилично играл на скрипке узнаваемые классические произведения и с удовольствием позировал для фотографий с радужным флагом гей-сообщества. Валетти прекрасно знал Луку, так звали этого человека, жившего в Чевитавеккье, и никакого отношения к сексуальным меньшинствам не имевшего. Зато имевшего жену, четверых детей и дом на побережье Тирренского моря. Его экстравагантный метод заработка позволял его семье вполне сносно жить, не нуждаясь.

Луиджи тем временем миновал арку, служащую входом в гостиную, и увидел Джулию. Она стояла у окна с бокалом просекко, и на ней было молочного цвета платье с открытыми плечами, на которые падали её огненно-рыжие выющиеся волосы. Платье контрастировало и с загорелой кожей Джулии, и с сумерками за окном, он невольно любовался этим зрелищем, остановившись на пороге.

– Как думаешь, Луиджи, – спросила вдруг она, не оборачиваясь, – почему именно Париж – город любви?

Он улыбнулся. Ему нравилась её манера задавать неожиданные и, казалось, такие отвлечённые вопросы. Как будто нет в мире ничего, кроме этой уютной комнаты, нет никаких важных грядущих переговоров, есть только он и она. Он вдруг ясно осознал, что любит её. Все эти месяцы он гнал от себя эту мысль, говоря себе, что в пятьдесят три это глупо, что он привык к одиночеству и не нужно ничего менять, что... Разумеется, это были отговорки. Их с Джулией отношения уже давно вышли за рамки деловых, сначала они часто встречались в Стокгольме, затем Луиджи предложил Джулии работать на него, и она приехала в Рим. Эти несколько месяцев они виделись каждый день, и каждый день приносил в копилку его чувств все новые монетки, чтобы наконец сейчас Валетти совершенно чётко осознал, что не может и не хочет без неё жить.

Он засунул руки в карманы брюк и опёрся спиной на колонну из чёрного мрамора:

– Ну-у... Я думаю, влияние литературы и истории. Эпоха расцвета парижского двора, нравы Людовиков, Антуанетты... Думаю, ты и сама понимаешь. – Он опять улыбнулся.

– Несправедливо.

– Да что говорить, французы и сейчас держат марку! Чего стоят одни круассаны и кофе в ресторанчиках на Марсовом поле, Мулен Руж и фуа-гра!

– Не знаю, – она повернулась. – Я никогда не была в Париже. Стыдно признаться, но не была!

– Это легко поправимо, Джулия! – В голову Луиджи пришла идея. – Знаешь, а давай подпишем в понедельник контракт с русскими и полетим в Париж! – Его глаза блестели.

– Париж... – Джулия задумчиво прикусила губу. – Так ведь во вторник переговоры по путепроводу?

– Карло проведёт, – он подмигнул ей и рассмеялся. – Соглашайся!

– Ну тогда поехали, – она наконец тоже улыбнулась. – И давай уже съедим чего-нибудь, я ужасно голодна!

Они наконец сели за стол и приступили к ужину.

– Знаешь, Джулия, – Валетти медленно накручивал пасту на вилку, – откуда в Италии появилась паста?

– Разумеется, нет, Луиджи, – усмехнулась она. – Цезарь отвоевал рецепт у галлов?

– Хм... А ты недалеко от истины, пасту сюда завезли арабы. Правда, согласно древним рецептам, её варили в кипятке около двух часов и добавляли корицу и сахар при подаче на стол.

– Брррр... Гадость! – продолжала она веселиться.

– Наверное. Я не пробовал. – Он мечтательно прикрыл веки. – Но самую вкусную пасту готовит моя мама! Знаешь, я часто вспоминаю, как после школы мы не торопились с друзьями домой. Неподалеку был пустырь, где мы гоняли мяч до самого вечера, пока мама не присылала за мной младшего брата. Так вот мы прибежали с ним домой, а она готовила для нас пасту, иногда с морепродуктами, но чаще просто с сыром и базиликом... Ничего вкуснее я с тех пор не ел даже в лучших римских ресторанах. – Валетти мечтательно улыбался. – А твоя мама что вкусное тебе готовила?

Джулия подняла на него глаза. Луиджи вопросительно смотрел на неё.

– Моя ничего не готовила. У меня нет родителей, точнее, я их не знаю. Это очень грустная история. Не думаю, что сейчас тебе хочется, чтобы брызги моего безоблачного детства в приюте долетели до тебя. – Она усмехнулась, в воздухе ненадолго повисла тяжелая пауза.

– Извини.

– Нет проблем. Ты же не знал. – Она сделала глоток из высокого бокала. – Давай сменим тему. Через два дня прилетают русские. Всё в силе?

– Думаю, да, остались тонкости по распределению платежей, я как раз хотел тебя спросить, что ты думаешь по поводу оплаты?

– Их предварительные условия?

– Четыре платежа, аванс и три поэтапных транша.

– С каким распределением?

– Сорок процентов аванс и три платежа по двадцать процентов до сдачи в эксплуатацию.

– Ого! – брови Джулии взлетели вверх.

– Думаешь, что-то не так? – с интересом спросил Валетти.

– Я не специалист в области финансов и тем более не служба безопасности, – улыбнулась она. – Моё дело – подобрать интересный проект, а их проект был лучшим. Учитывая ещё стоимость его реализации, которая ниже почти на десять процентов, чем у ближайших конкурентов, то... – Джулия развела руки в стороны, давая понять, что альтернативы в общем-то и нет.

– Я понимаю, что ты не финансист и не карабинер, – с усмешкой заметил Луиджи. – Но мне интересно твоё мнение, ты ведь работала с русскими до этого, и не один раз. Фабио проверил подрядчика, репутация чистая. Платежи пойдут через Виргинские острова, что для такой суммы тоже привычно, никто не хочет платить лишних налогов.

– Боюсь, Луиджи, дело не только в налогах, – усмехнулась Джулия. – Видишь ли, в России, когда на счета фирмы приходит сумма в двести миллионов евро, у этой фирмы могут начаться сначала очень большие проблемы с правоохранительными органами, а потом могут появиться новые хозяева. В этой стране вести бизнес честно невозможно. Поэтому русские стараются работать через фирмы, не являющиеся налоговыми резидентами своей страны. Так

спать спокойнее. – Она встала и снова подошла к окну. Задумчиво глядя на огни вечного города, она медленно проговорила:

– Я бы опустила сумму аванса до двадцати пяти процентов. Учитывая необходимые затраты для начала работ, этого вполне достаточно. Пятьдесят миллионов евро – это очень хорошие деньги.

Валетти любовался её фигурой, голосом, манерой говорить. В жизни каждого человека бывают мгновения, когда хочется нажать на паузу, ничего не делать и осторожно наслаждаться данным конкретным, отчаянно-хрупким моментом. Моментом, когда тебе невыносимо хорошо, не хочется шевелиться и говорить, хочется глуповато улыбаться и смотреть на предмет своего обожания, до приятного тумана в глазах. Когда тебе за сорок, а ему было уже далеко за сорок, ты становишься чувствительным и сентиментальным, вновь как в семнадцать романтичным и даже иногда влюбчивым.

Насладившись созерцанием Джулии в полной мере, Луиджи вновь вернулся к реальности:

– Знаешь, давно хотел тебя спросить, – он сделал паузу, тщательно подбирая слова, боясь её обидеть. – Тогда, в яхт-клубе, в Стокгольме... Я видел вы ссорились с каким-то мужчиной... Ты плакала, когда он ушёл... Кто он?

Валетти помнил, как сидел у окна в компании выпивших друзей, вокруг громко разговаривали яхтсмены, пьяно перекрикивая друг друга, весело хохотала компания норвежцев и какая-то группа играла блюз со шведским вокалом. Луиджи не замечал всего этого, он смотрел в окно, где, отчаянно жестикулируя, что-то возбуждённо говорила Джулия. Она стояла спиной, и Валетти не видел её лица, но лицо мужчины, исподлобья глядевшего на Джулию, рассмотрел. Несколько минут они обменивались гневными выпадами, которых Валетти не мог слышать, затем мужчина сел в машину и рванул с места. Джулия вернулась за столик заплаканной, и остаток вечера Луиджи наблюдал, как она отрешённо сидела в нескольких метрах от него с видом тибетского монаха в момент медитации, когда тело здесь, а самого человека нет.

– Его зовут Оливье, – не поворачиваясь ответила Джулия. – Мы прожили с ним почти три года.

– Похоже, я опять задал бестактный вопрос, прости, – голос Луиджи прозвучал очень тихо. Джулия громко вздохнула, затем повернулась к нему лицом и широко улыбнулась:

– Да брось ты! Всё нормально! Это уже прошлое. История банальная, у меня была лучшая подруга и мужчина. Но я в один момент потеряла обоих. – Она опять улыбнулась, но теперь уже грустно. – Знаешь, а пойдём гулять? Очень хочется на воздух, и погода хорошая! Ты мне расскажешь что-нибудь про Рим, мне так нравится тебя слушать!

Валетти поднялся из кресла, посмотрел ей прямо в глаза:

– Ты могла бы остаться у меня, комнат в доме полно, а завтра воскресенье...

– Не сегодня, Луиджи... В конце концов, мы в Риме, – она таинственно улыбнулась, – а город любви – это Париж.

Спустя четверть часа они вышли в прохладу осеннего города и набережная Тор ди Нона, ведущая к мосту Умберто, смешала их с вечерней толпой, а внизу в старинной каменной рубашке из песчаника тихо нёс воды Тибр.

ГЛАВА 5

В половине седьмого вечера Кира и Стас вышли из такси неподалёку от дома Шатовых. Она ненавидела головные уборы и сейчас, шагая по морозной улице, очень об этом жалела. Уши начинал пощипывать морозец, а идти было ещё добрых метров триста.

– Как они здесь живут? – сокрушалась Кира. – Ни подъехать нормально, ни пройти...

– Да это таксист всё напутал, – хохотал Знаменский. – Ехал по навигатору и заехал с другой стороны, бывает.

Они наконец прошли калитку и уже шагали по очищенным от свежего снежка дорожкам, которые петляли по участку. Наконец Стас открыл перед Кирой дверь, и она скользнула вовнутрь, трясаясь от холода.

– Есть кто дома? – пробасил добродушно Знаменский, отряхивая снег с ботинок.

Навстречу уже шёл улыбающийся Шатов.

– Конечно! Все дома, проходите, гости дорогие! – Он принял с плеч Киры коротенькую шубку из белой норки, чмокнул в щёку и приобнял свободной рукой. – Проходите, Вика на кухне заканчивает свои шедевры.

В гостиной уже был накрыт стол, Знаменский поставил на него принесённую с собой бутылку восемнадцатилетнего односолодового виски. Шатов улыбнулся. Он знал, что Стас ничего не понимает в виски, он вообще предпочитает водку, но, направляясь в гости, попросту купил в магазине самое дорогое из того, что было.

– Всем приве-е-ет! – улыбаясь, протянула Вика, входя в гостиную с огромным блюдом в руках. На блюде располагались несколько десятков всевозможных роллов, горки из розового имбиря и зелёных водорослей чука. Блюдо водрузили в самый центр и начали рассаживаться по местам.

– Позови Ваньку с Софьей, – обратился Марк к Вике

– Они уже поели, Ваньке мультики поставила, Софка в интернете, они наверху. – Вика поставила на стол стаканы под виски и высокие округлые фужеры под вино. – Кира, ты что пьёшь? Будем виски или, как обычно, белое со льдом? – улыбнулась она подруге.

– А вот сегодня, пожалуй, виски! – подмигнула Кира. – Только со льдом и содовой.

Через пару минут всё было налито, и Марк на правах хозяина тостовал:

– Давайте за нас, за нашу дружбу и за то, чтобы всё продолжалось!

Они, улыбаясь, чокнулись и приступили к ужину. За окном хлопьями пошёл снег, было как раз то время года, когда осень, устав выливать на город дожди, обрывать увядшие листья с деревьев, наконец уступает место зиме. И в эти первые дни зима старается изо всех сил, прихватывает первый морозец, рисуя на лужах причудливые узоры, выпадает первый снег, мягкий и искристый. И настроение в такие дни повышается само собой, становясь спокойно-созерцательным, когда хочется прижаться лбом к холодному стеклу окна, глядеть в темноту на подсвеченные фонарём снежинки и думать о чём-то по-настоящему для тебя важном.

– Стас сказал, что вы в понедельник вместе летите? – Кира повернула к Вике голову. – Как же я вам завидую! Италия – это сказка! Каков маршрут? Милан будет?

– Да, летим вместе, – улыбнулась Вика. – Маршрут Марк держит в тайне.

– Почему в тайне? Просто ты не спрашивала. Прилетаем в Рим в понедельник утром. Переговоры в обед, и я думаю свободен. Вторник и среду проводим в вечном городе, потом берём машину напрокат...

– О, боже! Хватит, Марк! – заулыбалась Кира. – Я сейчас к вам в чемодан проситься начну!

– ...и дальше по побережью, Гроссето, Флоренция, Венеция, озеро Гарда и наконец Милан.

– Милый, а мы почему не едем с этими единоличниками?

– Потому что, дорогая, мы едем в декабре на Мальдивы! – Знаменский театрально выпучил глаза и рассмеялся. – Так что пока мы будем в Риме, ты должна купить себе новый купальник и сланцы! Только прошу тебя, уложись в этот раз в тысячу долларов!

– Тяжело мне с ним, – шутливо вздохнула Кира. – Давайте ещё выпьем!

– Давайте, только теперь тост с меня! – отозвался Стас. Он дождался, пока Марк наполнит бокалы. – Знаете, ребята, хочу выпить за вас! За вашу дружную семью, за те годы, что вы провели друг с другом. Я всегда по-хорошему завидовал тебе, Марк. Глядя на вас с Викой, всегда

хотел семью, детей, дом, пахнувший едой. Как-то не сложилось, – Стас грустно прервался. – Но думаю, ещё сложится, – он перевел взгляд на Киру. – И надеюсь, Кирочка мне в этом поможет!

– Спасибо, Стас! – Марк протянул свой бокал. В кармане провибрировал смартфон.

Они дружно выпили.

– Боже, вот эти, с копчёным угрём, они просто великолепны, – простонал Знаменский, закатывая глаза к потолку. – Вика, ну как ты это делаешь? В прошлый раз на Рождество мы ели у вас гуся. Так вот, должен заметить, все эти ресторанные утки по-пекински – полная ерунда! Он таял во рту просто этот гусь!

– Ну тут никаких особых секретов, просто пять часов он должен томиться в духовке, – улыбнулась Вика.

– Кстати, о Рождестве... – оживилась Кира. – Вы на сколько едете? Зацепите Рождество в Европе?

Вика вопросительно посмотрела на Марка.

– Нет, в общей сложности мы будем там две недели, – Марк сделал большой глоток и поднялся из-за стола. – Я на минуту.

– Жаль, – Кира поджала свои пухлые губки. – Там очень красиво на Рождество.

– Ну красиво-то красиво, а работа, как говорится, сама себя не сделает, – резюмировал Стас. – Кстати, мы давно не были в театре! Может быть, перед Новым годом сходим куда-нибудь?

Марк тем временем прошёл в кухню и достал из кармана смартфон:

Эльмира:

Ты занят?

Марк:

У нас гости

Эльмира:

Я скучаю.

Марк:

Я не могу писать, у нас гости!

Едва сдерживая раздражение, он отправил смартфон обратно в карман. Чёртовы бабы! Рано или поздно у них наступает момент, когда все разумные договоренности в виде запрета на беспокойство по вечерам или звонков в нерабочее время летят к чертям! Видимо, ему вновь придётся всё безжалостно рвать. Марк отвернулся к окну. Вдруг ему вспомнилось изгибающееся тело Эльмиры, её полуоткрытый рот, сладострастные стоны и влажные, такие зовущие пухлые губы.... Чёрт! Чёрт! Чёрт! Видимо, придётся ещё раз с ней поговорить. Он вернулся в гостиную:

– Ну что, Стас? Может, партейку на бильярде? Есть ещё запал у старой гвардии?

– Запала хоть отбавляй, – отозвался Знаменский. – Пока тебя не было, мы, кстати условились сходить в театр.

Он поднялся со своего места:

– Вика, всё было великолепно! Я должен ненадолго вас с Кирой оставить, время преподавать урок молодёжи.

Марк улыбнулся:

– Не скучайте, мы внизу, в бильярдной.

Они спустились в цоколь, где у Шатова была устроена бильярдная и по совместительству сигарная комната. Спроектированная ещё на этапе строительства, эта комната заслуживает отдельного рассказа. Шатов задумал в цоколе своё личное пространство, здесь на стене висел огромный смарт-телевизор, у стены напротив расположился такой же огромный угловой диван с кожаной обивкой, рядом в нише стены был встроен холодильник для вина и хьюмидор с несколькими десятками кубинских сигар. Посреди комнаты стоял двенадцатифутовый

бильярдный стол с безупречным полотном зелёного сукна, а у стены при входе Марк оборудовал барную стойку, у которой стояли высокие стулья. Полки бара были заставлены спиртным со всего света, сам Шатов пил немного, но бар пополнял с завидной регулярностью. Стены бильярдной были отделаны декоративной плиткой под натуральный кирпич, отчего помещение казалось капитальным и очень старым. Отчасти такое впечатление производила и боковая подсветка, свет падал на стены под углом, подчёркивая кирпичную фактуру. Иногда, желая побыть один, Шатов спускался сюда и мог часами не подниматься в дом. Здесь он читал, работал за ноутбуком или смотрел спортивные трансляции. Здесь он курил свои любимые сигары «Ромео и Джульетта», благородный запах которых теперь стоял в воздухе. А еще здесь действовал негласный запрет на женщин и детей. Вика с пониманием относилась к желанию Марка иногда побыть одному и понемногу приучила к этому Софью и Ивана. Бильярдная, в которую сейчас спустились Шатов и Знаменский, была поистине мужским монастырём внутри мирской суеты остального дома.

– Виски? Коньяк? Текила? – насмешливо поинтересовался Шатов.

– А водки нет?

– Ну как же нет, обижаете! Для вас все цветы с клумбы жизни!

Марк картинно поставил на стол рюмку и большой бокал с толстенным дном, играючи бросил в него три больших куса льда и посмотрел на Стаса:

– Я, пожалуй, виски, – он протянул руку к бутылке «Бушмилса», но Знаменский жестом его остановил.

– Знаешь, старик, выпей со мной водки. Обещаю, мы много не будем, и завтрашний день никуда не убежит.

– Хорошо, водка так водка. – Марк поставил на стол ещё одну рюмку. – Тогда сейчас сбегая за закуской!

– Подожди... Не надо ничего, давай по одной, за дружбу!

Шатов пристально поглядел на Стаса.

– Хорошо у тебя... – голос Знаменского сделался усталым. Марк посмотрел на него пристально. Было видно, что Знаменский не настроен на шутливый дружеский тон. Бывают у людей такие минуты, когда не хочется пустой болтовни, каких-то ничего не значащих фраз и легкомыслия. Хочется говорить на важные для тебя темы, душа просит вдумчивого диалога и непременно выпивки, причём выпивать в такие моменты требуется без закуски, опрокидывая в себя рюмку, морщась, затаив на выдохе дыхание и затем, прочувствовав момент, когда водка, стекая по пищеводу в желудок, отогревает нутро, вдохнуть полной грудью воздух. После всей этой нехитрой процедуры и наваливается на русского человека желание распахнуть душу, высвободить то, чем занят его мозг в период повседневно-суетливой безалкогольной активности.

– Знаешь, – продолжал Знаменский, – у нас с Кирой как-то не выходит вот так... Чтобы ужины семейные, уют, фотографии в рамочках... Всё хорошо вроде, а вот так не выходит... Я работаю много, она тоже, ужинаем в ресторане, а в квартире убирается домработница... – он усмехнулся. – Я даже тебе сейчас скажу то, что в жизни не думал, что скажу... Но сначала давай выпьем!

Они выпили. Марк терпеть не мог водку, но отказать Знаменскому сейчас он не мог. Он не хотел его обижать, к тому же разговор обещал быть интересным.

– Так вот, Марк, – Знаменский достал сигару из внутреннего кармана пиджака. – В жизни не думал, что когда-нибудь это скажу, но я никогда не видел её в домашней одежде... Мало того, теперь я об этом даже жалею... Ты знаешь, старик, я не ангел и Кира – моя четвёртая жена. Скажу больше, две последних, Марина и Лиза не в последнюю очередь стали бывшими как раз из-за этих халатов, бигудей и старых тапок...

– Ну тут что скажешь? – улыбнулся Марк. – По мне так это совсем не важно.

– Да перестань ты, я же всё понимаю... Любовь там и всё такое... Неважно в чём она ходит по дому... Но! – Стас поднял палец вверх. – Раньше, до Киры, меня раздражали эти мелочи, эти бесформенные футболки, или сорочка ночная ситцевая, как у бабушки моей, даже запах варёной капусты с кухни, когда Ольга щи варила, и он раздражал!

Марк никогда раньше не слышал подробностей личной жизни Знаменского. Он знал всё в общих чертах, знал имена, упоминавшиеся Стасом вскользь, несколько раз они случайно проезжали мимо домов, где раньше он жил. С десяток забавных и не очень историй, несколько обрывочных воспоминаний и неохотные ответы на вопросы о семейной жизни – вот все, что позволял Стас знать о себе. Тем удивительнее для Марка был затеянный разговор.

– И вот знаешь, первая, Ольга, ведь любил я её с института! Мы когда поженились, в общежитии жили, я не замечал бытовухи этой, весело жили, но я знал, что всё по-другому у меня будет... И квартира, и машина, и шубу ей куплю, – он как-то горько усмехнулся, – купил...

Марк молча слушал. Знаменский попыхтел сигарой, глядя куда-то в пустоту, затем выпустил кольцо ароматного табачного дыма в потолок:

– В девяносто первом всё началось... Кооперативы, рынок, свободная торговля, я уже сто раз рассказывал... У меня денег, как говна за баней было. Квартира, точнее три в одну объединённые, «мерседес», как у Высоцкого, и Ольга вся в импортных шмотках... Красивая была... И ведь любил её... Любил больше жизни своей! – Знаменский, казалось, переместился во времени и рассказывал как-то отстранённо, в пустоту. – Я шубу ей из-за границы заказал, шуба как «мерседес» стояла, а мне не жалко денег было, человек мне прямо в офис привёз, я в машину положил. Оля тогда в Крыму отдыхала, утром должна была приехать.

Стас молча докурил сигару, с силой вдавил её в пепельницу.

– Эта шуба до сих пор в гараже у меня лежит, прямо в том же пакете...

Марк уставился на него.

– Да, старик, так и лежит. Мы тогда до четырёх утра контракт отмечали, время сам помнишь какое, контракты в саунах заключались и отмечались... Там девок, конечно, вызвали, я невменяемый был... Короче, приехала моя Оля, а я тёпленький ещё с сауны с двумя феями в кровати... В себя когда пришёл, квартира пустая и пакет с шубой на столе кухонном...

– Что, так и ушла, не скандалила, не истерила? – Шатов с трудом скрывал изумление.

– Нельзя ей было истерить... На девятом месяце.

Знаменский наполнил рюмки.

– Давай выпьем!

– погоди, так у тебя что, есть ребёнок? – Шатов потянулся было за рюмкой, но теперь застыл, ожидая ответа.

– Был. Был сын.

Знаменский опрокинул рюмку, помолчал, потом продолжил:

– Он родился в октябре девяносто первого, Ольга уже у матери в Зеленограде жила. Так и не простила меня... Я приезжал, умолял, просил, всё без толку... Не простила. Потом замуж вышла, в Москву перебралась, мне адреса не оставила, да и я не настаивал, новая семья и всё такое... Её матери деньги посылал, чтобы Антону откладывала. Сына Антоном звали... А в девяносто девятом мать позвонила, сказала, чтобы больше не присылал, – Знаменский говорил почти неслышно: – Помнишь теракты в Москве в конце девяностых?

Марк кивнул.

– Так вот на Каширском шоссе, 6/3 Ольга с Антошкой и жили... Легли спать и не проснулись... У меня даже фотографий его нет, тёща меня во всём виноватым считает, не дала ни одной...

Они помолчали. Знаменский заметно охмелел, он как-то пьяно откинулся на спинку дивана, закрыл лицо руками, как бы смахнул с себя воспоминания и продолжил:

– Я пил почти месяц. Стрррашно пил! И ты знаешь, произошёл во мне какой-то переворот... Не важно стало, кто рядом, зачем, для чего? Я менял баб как перчатки! Человек-праздник! Модели, танцовщицы, стюардесса, была даже крупье из казино! А потом Марина. Лицо с обложки VOGUE 1997. Я думал, эта сказка будет продолжаться вечно! Мы много путешествовали, дорогие отели, бутики, тачки с кожаными салонами, Карибское море и дизайнерский ремонт в квартире, личный водитель и секс в открытом море на арендованной яхте. Короче, жизнь в стиле лакшери... Так продолжалось четыре года. Потом... А потом она захотела детей, и в нашей квартире стали появляться книги о планировании семьи, правильном питании, удобное бельё, тесты на беременность и ещё куча всего. Кончилось тем, что Марина уволила домработницу и уволилась с работы сама. Последнее произошло с моего молчаливого согласия и, признаюсь, вследствие моей недальновидности. Я попал под пристальное наблюдение и должен был приходить на обед, который она готовила и не опаздывать к ужину. Дальше – больше. Она перестала утруждать себя макияжем и депиляцией, все это оказалось слишком вредным для будущего ребенка. Наша интимная жизнь была пущена под откос, лишившись главного – страсти. Я не мог заставить себя разыгрывать испанского идадьго, желающего исполнить пасодобль со своей Кармен, когда, приходя с работы, видел свою супругу в шерстяных носках и трениках с начёсом.

Марк расхохотался. Исповедь Знаменского, начавшаяся так трагично, наконец получила более лёгкое продолжение.

– Дальше я знаю, можешь опустить эту часть!

– Ну я был вынужден, – Стас театрально развёл руками и тоже рассмеялся.

Историю про то, как Знаменский развёлся со второй женой, знали несколько человек, включая Шатова. Устав от её представлений о семейной жизни, Стас попросту собрал её вещи и отправил с водителем на её старую квартиру. Сам поменял замки у себя и улетел на зиму в Тайланд, оставив ей записку в издевательском стиле, что уезжает в экспедицию и не знает, вернётся ли, просит его не ждать и устраивать свою личную жизнь. Подписал «Твой Амудсен».

– Только ты знаешь не всё, Марк. – Стас интригуяще улыбнулся, открыл пакет стоявшего на столе ананасового сока и налил в стакан.

– Твою мать, Знаменский, если ты хочешь мне в десятый раз рассказать про свои тайские приключения, вечеринки с трансвеститами и твои недельные загулы на Уолкин стрит, то уволь, я не хочу этого знать! – Марк поморщился, как от зубной боли, но то, что он услышал дальше, было совсем неожиданно.

– Нет, я хотел рассказать тебе, как познакомился с третьей женой.

Теперь Шатов потянулся к хьюмидору и достал толстую Cohiba в жестяном футлярчике. Стас терпеливо дождался, пока Марк прикурит её от длинной спички, громко втянул ноздрями выпущенные им кольца дыма и налил ещё по одной.

– За женщин! – подмигнул он и опрокинул в себя содержимое. Марк повторил.

Часы на стене мерно отстукивали секунды, комната закутывалась в сизый дым, который медленно пританцовывая вдоль стен, поднимался выше, становился прозрачней и наконец медленно, с достоинством втягивался в вытяжные щели вентиляции.

– Я весь превратился в слух, – проговорил Шатов.

– Ну историю про Тайланд ты знаешь, полгода я там прожил... Тогда у меня уже трёхэтажный офис в Москве в собственности был, аренда шла, а я в шампанском там купался. Ты прав, по вертепам я там набегался, но не только. Как-то месяца через три после приезда полетел в Гонконг, там у меня друг детства жил. Он искусствовед, работал тогда в Гонконгском музее искусств, я-то далёк от этой темы был, но Рустам рассказывал интересно, увлечённый человек, чего говорить... Так вот, там как раз выставка международная затевалась, в их музее, он меня туда и притащил.

Глаза Знаменского блестели, он увлечённо рассказывал, и казалось, что он заново переживает события. Он давно уже снял пиджак и, рассказывая, энергично жестикулировал руками:

– Там я Лизу и встретил. Как в кино, кругом азиаты, несколько чернокожих и она, как белый лебедь среди рябчиков... Хороша была непередаваемо. А ты представляешь, я в Азии три месяца! Как обухом по башке! Хотя чего я тебе-то рассказываю? – рассмеялся Стас, – ты у нас человек непоколебимых семейных ценностей!

Марк ухмыльнулся.

– Не, ну правда, ты молодец! Я не такой! Никогда вот так, как ты, не мог! Хотел, но не мог. Меня один их взгляд убить может, вот так посмотрит оценивающе, затуманенно – и пропал! – хохотал Знаменский. – А у тебя всё основательно: жена, дети, дом вот, как крепость, и всё как-то понятно, уютно, тепло. Молодец!

Марку было неприятно направление разговора, но он не подал вида и сделал попытку вернуть беседу в русло приключений Знаменского:

– Стас, мы уходим от темы. Я вообще стал терять нить разговора.

– А я сейчас подведу к теме, прости... Прости, старик! – он похлопал Марка по плечу и продолжил – Так вот, выяснилось, что она коллега Рустама, зовут Елизавета, коренная москвичка. Они когда между собой говорили, я заслушался – такая умная баба! Манеры, разговор, внешность – я понял сразу, моё!

Знаменский захмелел окончательно, теперь рассказ давался ему легко, слова лились из него полноводной рекой, но речь была связана, и слушать его Шатову было интересно.

– Но что я понял ещё, так это то, что с ней стандартный набор ужин-прогулка-кровать не пройдет. Все что я получил от неё, это заинтересованный взгляд, обещание помощи и консультации по предметам искусства, а ещё визитка, где даже не было её телефона, только адрес электронной почты.

– Стас, ты, конечно, не обижайся, но ты и искусство... Этот пазл у меня никак не складывается, – рассмеялся Шатов.

– Ты забываешь о деталях, – улыбаясь проговорил Знаменский, – у меня был её ящик, интернет и уйма свободного времени! Короче, я начал с ней переписываться. Я задавал ей глупые вопросы из школьной программы, она обстоятельно отвечала, я делился своими мыслями, она их развивала и оценивала. Через четыре месяца переписки мы знали друг о друге всё, видевшись лишь один раз в Гонконге. Я втрескался по уши по переписке и через год сделал ей предложение.

– Погоди, я должен это переварить! Поправь меня, если я что напутал. Ты убежал от второй жены в Тайланд, затем поехал в Китай, познакомился с девушкой, переписывался с ней... эээ... полтора года и сделал ей предложение?!

– Всё чистая правда! – расхохотался Знаменский

– Ты прав, мы с тобой разные!

– Ну а я что тебе говорю!

– Хорошо, а развёлся-то зачем?

– Так мы и подходим постепенно к главной теме! Лиза-то моя строгих правил оказалась, до свадьбы – ни в какую! Ну, думаю, бриллиант попался, в наше время такое раз в жизни встречается, и то не у каждого.

Шатов задохнулся от хохота. Вдоволь насмеявшись, сказал:

– Прости, старик...

– Да пожалуйста! – добродушно ответил Стас. – Только зря смеялся, моя Лиза чиста оказалась, как слеза младенца! Как снег на горной вершине! Трудность в другом скрывалась... – он сделал паузу.

– Ну не томи.

– Ну... Во время этого... Ну сам понимаешь... Орала так, что стены тряслись. Мне в подъезд по утрам выходить стыдно было. И кусалась ещё так, что рубашку на пляже снять не мог... Ничего поделать с собой не могла.

– Во дела! – усмехнулся Марк.

– Мне после иной ночи не на работу, а в травмпункт ехать... То шею прокусит, то губа, как будто гопники отмудохали, то спина в клочья ногтями разодрана... А днём как ангел, шарфы мне вяжет, пироги печёт и рубашки наглаживает... Через полтора года совместной жизни перестала совсем собою заниматься, растолстела, обабилась, в платье я её стал видеть, только когда она на работу уходила, и знаешь, у меня дежавю появилось... Опять трикошка с носками шерстяными и сорочка ситцевая... как будто есть где-то магазин, специально для баб, которые замужем....

Знаменский залпом осушил стакан с соком.

– И ещё, знаешь, есть в мире сакральные вещи. Ну, к примеру роды. Никогда не понимал мудаков, которые тащатся в роддом поглазеть, как на свет появляются его дети! Ну не зря наши деды не допускались до этих процедур! Это дело сугубо женское, акушеров там... бабок повивальных... Не нужно нам это видеть! Или месячные. Я, конечно, понимаю, что муж и жена – люди близкие, но не хочу быть в курсе этих подробностей! Лиза была абсолютно противоположного мнения. Она, не стесняясь сообщала мне все тонкости своих календарных проблем, я знал все даты её походов к гинекологу, стоматологу, маммологу и прочим врачам.

Марк смотрел на Стаса, улыбаясь. Знаменский, казалось, читал его мысли, заворачивая их в интересные обороты и жизненные наблюдения, и выводы казались Шатову справедливыми и абсолютно логичными. Он давно уже смирился с тем, что быт съел живые родники, когда-то подпитывающие их с Викторией отношения. Он думал о бесчисленных вечерах, когда он, придя с работы, заставлял жену за домашними делами, плавно перетекающими в отход ко сну. О бесконечных дежурных и холодных поцелуях, в которых не было ни огонька, ни жизни.

– А может, просто трансформация? – медленно проговорил Марк.

– Что, прости? – Знаменский удивлённо уставился на него

– Я тоже бывает думаю над этим. И иногда мне кажется, что с течением времени чувства просто трансформируются, и конечно, ты не можешь всю свою жизнь танцевать со своей Кармен пасодобль...

– А хотелось бы, – усмехнулся Стас.

– Ну это понятно, но так не бывает. И мы вынуждены терпеть друг друга, да, терпеть, как это на первый взгляд дико и ни звучит. И семейная жизнь – это тоже своего рода работа. Работа, на которой нужно терпеть, уступать, прощать, отстаивать наконец.

– Ты как моя мама говоришь, – Знаменский налил ещё по одной.

– Наверное, умная женщина.

– Ага, невероятно умная! Тоже говорила, нужно прощать. Только я не смог, – Знаменский расхохотался, обнажив белые и большие зубы. – Все кончилось знаешь чем? Я чистил зубы утром, когда в ванную вошла Лиза, спустила штаны и села на унитаз. Она ещё при этом что-то говорила, но я уже не слушал, пена от зубной пасты капала мне на тапочки, а в полуметре от меня сидел и справлял малую нужду дипломированный искусствовед. – Стас оживлённо жестикулировал, и вся картина его семейного кораблекрушения предстала перед Марком во всей своей комичной красе. Они весело смеялись, потом подняли рюмки и Марк тостовал:

– За то, чтобы пасодобль не кончался!

Знаменский встал, подошёл к столу и, склонившись над сукном, стал расставлять шары.

Марк взял из стойки свой любимый кий и, намелив его как следует, с силой разбил пирамиду. Шары раскатились по столу к видимому удовольствию Знаменского. Стас бросил на стол беглый взгляд, обошёл его с противоположной стороны и, почти не целясь, загнал свояка в дальний угол:

– Знаешь, а с Кирой всё по-другому, – продолжал Знаменский вечер интимных откровений. – Она вообще другая, – он выделил последнее слово. – И вот сегодня я особенно отчётливо это почувствовал, я ведь действительно, никогда не видел её в какой-то домашней одежде или неприбранной. Всегда при маникюре, причёске, лёгком макияже, никогда не выносит мозг, не капризничает, который год уже ведь так! Как думаешь, Шатов, может, она у меня инопланетянка? – он с шумом вогнал в лузу второй шар.

– Может, это любовь? – съязвил Марк, оценивая свои шансы на бильярде.

– Смейся, смейся. – Знаменский осторожно накатил в середину от борта, но на этот раз шару явно не хватило энергии и он остановился перед лузой. Стас состроил гримасу. – На самом деле я порой просыпаюсь, смотрю на неё и понимаю, что она, может быть, и есть тот шанс для меня, который выпадает порой после полтинника. Я вот так лежу, смотрю и подниматься не хочется. Наверное, это и есть счастье.

– Ты поэтому в офис последние пару лет к одиннадцати приезжаешь? – хохотнул Марк и забил шар, так заманчиво оставшийся на сукне.

– Чёрствый ты человек, Шатов!

– Ну куда мне до тебя! Ты так полежишь-полежишь, да и в «Ноэль» едешь с очередным «счастьем», – вспомнил Марк утренний рассказ Знаменского.

– Грешен, что тут скажешь... – улыбнулся Стас. – Но это не главное. Главное, что люблю я Киру...

В кармане пиджака зазвонил смартфон. Знаменский достал гаджет, смахнул зелёный круг вызова:

– Алло! Да, привет, Паша!.. Почему?.. Я понял. Да, документы у меня. Всё нормально. Не переживай... Конечно, Паш... Чем помочь? Ну прими соболезнования, старик! Держись... Да, от Марка тоже прими. Павел, всё нормально! Нет проблем. Давай, крепись! Пока!

– Что случилось? – Марк вопросительно смотрел на Знаменского.

– Рошин с нами не летит. Мать умерла час назад.

В комнате повисла тишина, с минуту каждый из них сидел, погружённый в свои мысли. При сообщении о чьей-то смерти люди часто делают такие вот уважительные паузы, молча думая о чем-то своём, или вспоминая, каким был умерший человек. Эти паузы словно заставляют нас задуматься о конечности нашего пути, каких-то потаённых смыслах, усталости, тщетности и суете существования. Затем мы выходим из этого отстранённого состояния, оттряхивая с себя его остатки, как суетливые воробьи оттряхивают с перьев остатки дождевой воды. Первым заговорил Шатов:

– Ну и как же мы без него? Это его проект, он готовил восемьдесят процентов документов.

Знаменский устало размял переносицу, медленно открыл глаза:

– Технических документов, Марк! Вся техническую часть итальянцы уже изучили вдоль и поперек, протоколы разногласий уже давно отработаны. Обсуждаться будет лишь финансовая часть и Рошин нужен был лишь для презентации. Если честно, я включил его в состав участников для переговоров только для того, чтобы не обиделся, – Стас широко улыбнулся. – Ты же знаешь его характер. Ну что мы с тобой, кино итальяшкам не покажем?

Марк знал характер Рошина. И ещё он знал совершенно точно, что Рошин на переговорах далеко не лишний участник.

– Ладно, может, ты и прав. В любом случае перенести не получится ни переговоры, ни похороны. Слушай, а мать-то у него где жила? Я вот как-то уже и привык, что он постоянно один, ни баб у него, ни родственников.

– Родом из Братска он. Когда на работу принимали, анкету эсбэшники проверяли. Из родственников одна мать, ни отца, ни братьев-сестёр. Выходит, осиротел наш Пашка.

Марк в который раз за этот вечер был удивлён.

– Братск – это же в Сибири? Рошин – сибиряк?! Вот никогда бы не подумал. Ведь ничего не рассказывал ни о детстве, ни о чём.

– Да вы как кошка с собакой, какие рассказы о детстве? – рассмеялся Знаменский

– Ну ты с ним вроде ласковый, а ведь тоже ни черта о нём не знаешь, кроме анкетных данных и информации СБ! Вот скажи, ты хоть раз видел его с женщиной?

– Хм, пожалуй, что и нет.

– А может, он того?

– Чего «того», Марк? С мужиком ведь ты его тоже не видел! Просто закрытый. Бывает, люди разные. Давай по последней? – подмигнул Знаменский. – Больше не будем, да нам и пора уже, наверное, с Кирой, засиделись...

Марк наполнил рюмки.

– Земля пухом, не чокаясь!

ГЛАВА 6

Яркие лучи осеннего солнца рассеивались лёгкой шторой. Джулия сидела за столиком в холле отеля и наблюдала, как за окном ветерок гонял по брусчатке опавшие листья. Жёлтые, красновато-бурые и совсем сухие, жухло-коричневые, они весело кружились на чистых камнях, и ей отчего-то стало грустно. Но это была тёплая грусть. Грусть о чём-то красивом, уходящем и потому трогательном. Мир цикличен, и за тёплым летом должна приходить осень, как за расставанием всегда приходит встреча, за безысходностью – надежда, а за смертью – новая жизнь. Недопитый кофе в её чашке давно остыл, Джулия встала, бегло осмотрела себя в висящем напротив зеркале, улыбнулась и направилась к выходу. Проходя мимо стойки и так же обворожительно улыбаясь, она еле заметно кивнула бармену:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.